

«За убитую в Беловежской пуще зубрицу запрещена пастьба скота»: выпас скота в лесу как традиционная форма крестьянского лесопользования в долгом XIX веке¹

А. А. Федотова

Анастасия Алексеевна Федотова, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН; 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 5/2; f.anastasia.spb@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается выпас скота в лесах как один из ключевых ресурсов для крестьян Восточной Европы в долгом XIX веке. Опираясь на архивные документы, мы демонстрируем, что крестьянские общины последовательно саботировали ограничения лесной администрации на выпас скота в лесах в духе концепции «оружия слабых» Джеймса Скотта. Государство в XIX веке усиливало контроль над многими аспектами экономической жизни деревни, что постепенно приводило к обострению конфликтов между крестьянами и администрацией. На примере Беловежской пущи мы изучили отношения между крестьянами и лесными чиновниками. Уникальность этой территории, ее многовековой заповедный режим, способствовали накоплению и сохранению исторических документов по многим аспектам ее жизни. Наше исследование выявляет мотивы крестьян и лесной администрации в борьбе за лесные ресурсы в условиях, когда последние получили поддержку экспертов «рационального» лесоводства. В XIX — начале XX века в этой борьбе крестьяне использовали все доступные им средства сопротивления: ходатайства властям всех уровней, взятки лесной страже, саботаж и прямые нарушения распоряжений администрации. Конфликты, продолжавшиеся в течение десятилетий, показывают, что крестьянские общины лишь частично следовали правилам, вводимым властями. Последние же пытались изменить принципы управления лесным хозяйством, делая леса более прибыльными для казны, а управление ими — более «рациональным». Администрация тратила значительные средства на контроль за лесными пастбищами, но достигла очень скромных результатов, как с точки зрения сокраще-

-
1. Статья является переработанным и дополненным вариантом англоязычной публикации: Fedotova A., Korchemina E. (2020). Cattle pasturing as a traditional form of forest use and conflicts between peasants and forestry administration in the long 19th century (the case of Białowieża Primeval Forest) // *Global Environment*. Vol. 13. № 2. P. 525–554.

Автор выражает признательность Томашу Самойлику (Tomasz Samojlik, MRI PAN), Марине Лоскутовой (НИУ ВШЭ), Дэвиду Муну (David Moon, University of York, Nazarbayev University) и участникам семинара «Challenging Europe: Technology, Environment and the Quest for Resource Security» (Стокгольм, 13–15 июня 2018 г.), где было представлено это исследование, за полезные комментарии и предложения, а также всем архивистам за их бесценную работу и помощь, особенно Владимиру Берсеневу (РГИА).

ния количества скота, пасущегося в лесу, так и с точки зрения получения компенсаций за ущерб, наносимый лесу. Наиболее важные изменения произошли в последней трети XIX — начале XX века и были связаны с последовательным и строгим контролем над традиционными пользованиями лесными ресурсами, особенно в течение последнего, удельного, периода (1889–1915). Что касается реакции властей на крестьянские ходатайства, мы видим сочувствие им на губернском и министерском уровнях. Терпимость, вероятно, была связана как с нехваткой пастбищ и кормов, так и с общими патерналистскими настроениями российского правительства. Лесная администрация пыталась не столько увеличить доходы от лесных пастбищ, сколько «приучить» крестьян к мысли, что леса являются не общинной, а частной, казенной или удельной собственностью.

Ключевые слова: природные ресурсы, Беловежская пуца, долгий XIX век, лесные пастбища, крестьяне, Российская империя

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-3-55-88

В конце апреля 1914 года в Ливадию, Крымскую резиденцию царя, пришла телеграмма на Высочайшее имя: «За убитую в Беловежской пуце [браконьером] Янчуком зубрицу [администрацией Беловежской пуцы] запрещена пастьба скота. Янчук [уже] в руках правосудия. Всепокорнейше просим разрешить пастьбу скота в Беловежской пуце. Верноподданные крестьяне деревни Новосады». Телеграмму аналогичного содержания получил начальник Главного управления уделов князь Виктор Сергеевич Кочубей на свой домашний адрес². Какое значение судьба браконьера, убившего зубрицу, имела для принятия решения о выпасе домашнего скота всей деревни? Почему крестьяне деревушки, расположенной на краю заповедного леса, телеграфировали одновременно и царю, и одному из самых влиятельных имперских чиновников, князю Кочубею? Как крестьяне узнали, где будет находиться царь в конце апреля и домашний адрес Кочубея? Как ни странно, поиск ответов на эти вопросы связан не столько с детективной историей о браконьерах и зубрах, сколько с гораздо более прозаическими вещами: экономикой нетоварного крестьянского земледелия, традиционными лесопользованиями и навозом.

Рассуждения о недостаточной развитости восточно-европейского сельского хозяйства часто являются своего рода общим местом в работах по истории долгого XIX века, в особенности — в работах о российской деревне. Как считается, крепостное право в России сдерживало возможности экономического и социального развития как крестьянства, так и всей страны, формируя нерациональный («хищнический») подход к пользованию многими природными ресурсами (Markevich, Zhuravskaya, 2018; Moon, 2014, 1999; Анфилов, 1980; Дружинин, 1978). Обращение к документам о повседневной жизни деревни, в частности, о лесе и лесном выпасе скота, на наш взгляд позволит лучше понять отношение крестьян и кре-

2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 515. Оп. 80. Д. 1309. Л. 6, 10.

стьянской общины к использованию имевшихся в их распоряжении ресурсов. С одной стороны, этот вид лесопользования был широко распространен на протяжении многих веков, и особенно долго эта практика существовала там, где сохранялись обширные леса (Rotherham, 2013). С другой — пастьба в лесах редко описывалась авторами XIX и XX веков, так как считалась отсталой практикой, мешающей организации рационального лесного хозяйства. Российские авторы изредка упоминали ее в связи с нехваткой кормовых площадей и полуголодным крестьянским скотом (Островский, 2014: 156, 217, 218).

В последние десятилетия специалисты по экологической истории стали обсуждать выпас скота в лесах как важный тип лесопользования, как правило, в связи с его значением для ландшафтов и экосистем (Öllerer et al., 2019; Rotherham, 2013; Ericsson, Östlund, Axeleson, 2000; о конфликтах сельских общин с крупными собственниками лесов в Западной Европе см.: Vivier, 2002; Pourcher, 1984). Некоторые историки упоминают этот вопрос в работах о пользовании общинными землями, другие — сравнивая традиционные крестьянские пользования лесными ресурсами³ с «рациональным» товарным лесным хозяйством, которое в XIX веке завоевывало авторитет у администраторов государственных имуществ и крупных собственников по всей Европе (Matteson, 2015; Hölzl, 2010).

Для обсуждения малоизученного и плохо документированного вопроса о выпасе скота в лесу мы выбрали подход case study, поскольку, по словам Джона Геринга, чем меньше мы знаем об объекте исследования, тем более ценным становится глубокое исследование отдельного примера (Gerring, 2006: 264). Беловежская пушка как объект исследования позволяет решить ряд задач.

Во-первых, о разных сторонах жизни крестьянского населения сохранилось много документов, поскольку Беловежская пушка была убежищем последней популяции равнинных зубров (*Bison bonasus bonasus*) и охотничьим резерватом царя⁴.

Во-вторых, смена правовых режимов на этой территории на протяжении долгого XIX века, а также реакция на эту смену крестьянских общин и лесной администрации позволяет лучше понять мотивы сторон, которые каждый раз вынуждены были артикулировать свои претензии и недовольство. Причудливое сочетание правовых

3. Западные исследователи в последние десятилетия обращаются к проблеме ограничения доступа крестьянских общин к традиционным для них ресурсам со стороны крупных собственников или государства. Сейчас существуют работы о таких узкоспециальных пользованиях, как, например, сбор смолы (Delgado, 2017) или дубовой кошенили (Stockland, 2018: 148–187).
4. Историография Беловежской пушки весьма обширна, классической остается монография удельного чиновника Г. Карцова (Карцов, 1903); в последнее время ряд работ опубликован Томашем Самойликом с соавторами (Samojlik et al., 2020).

режимов характерно для всей западной части Российской империи, а не только Гродненской губернии, где располагалась Беловежская пуща. Мы считаем, что подобное многоголосие было в целом характерно для окраинных территорий, поэтому полученные результаты можно распространить на значительную часть империи.

В-третьих, выявленные документы, описывающие возникавшие споры, позволяют понять мотивацию в первую очередь рядовых пользователей лесными ресурсами, которые, как правило, ускользают от внимания историков. Казалось бы, самым уязвимым участником конфликтов должны были быть крестьяне. Но как показал в своей монографии «Оружие слабых» Джеймс Скотт, крестьянские общины умели сохранять привычный образ жизни и успешно противостоять модернизаторам (Scott, 1985).

Важность лесных пастбищ как ресурса для крестьян связана с тем, что в регионах с бедными почвами скотину держали в том числе для получения навоза. Последний оставался основным удобрением во многих странах Европы, включая Россию, по крайней мере до 1920-х годов⁵. При этом на протяжении большей части XIX века на подавляющей территории Российской империи, включая Гродненскую губернию, крестьяне не имели пастбищ в привычном нам смысле слова. Луга использовались в основном для заготовки сена, а какие-либо способы улучшения кормовых площадей были мало распространены до начала XX века и в целом по империи, и в Гродненской губернии⁶. Правила люстрации для Западных губерний, Высочайше утвержденные 28 декабря 1839 года, определяли размер выгона в $\frac{1}{2}$ десятины на крестьянский двор, а предложения некоторых люстраторов увеличить эту норму до 2–3 десятины не были поддержаны МГИ⁷. Очевидно, что площадь в $\frac{1}{2}$ десятины была крайне недостаточной, и для выпаса использовался любой клочок земли: паровые поля, межи, обочины, но прежде всего — леса и заросли кустарников.

Скотина считалась «необходимым злом»: она обеспечивала навоз и тягловую силу, но требовала больше внимания, чем того стоила. Даже в агрономически и технологически более развитых странах Европы ситуация начала меняться лишь немногим раньше. В немецких землях животноводство считалось подчиненной отраслью сельского хозяйства и, по крайней мере до начала XIX века, фермеры не выделяли земли для выращивания кормов. Немецкие трак-

5. О первых существенных успехах российской промышленности в производстве минеральных удобрений, достигнутых в годы Первой мировой войны, см.: Елина, 2001.

6. О недостаточном внимании как землевладельцев, так и государственной агрономической администрации к вопросу обеспечения скота кормами см.: Департамент земледелия, 1914; РГИА. Ф. 398. Оп. 70. Д. 24580, 24999. Оп. 71. Д. 25804, 26306.

7. РГИА. Ф. 384. Оп. 2. Д. 458.

таты по сельскому хозяйству только в конце XVIII — начале XIX века стали уделять больше внимания домашней скотине, предлагая возможности улучшения трехпольной системы благодаря более интенсивному и продуманному использованию удобрений, в том числе навоза (Matz, 2015).

В нашей статье мы исходим из того, что для крестьян Восточной Европы в целом и для России в особенности вплоть до XX века выпас скота в лесах был одним из ключевых ресурсов. Опираясь на впервые вводимый в научный оборот обширный архивный материал, мы покажем, что крестьянские общины, в духе теории Джеймса Скотта (Scott, 1985), последовательно саботировали запреты на пастьбу в лесу. Государство же на протяжении долгого XIX века усиливало контроль над многими сторонами хозяйственной жизни деревни, что постепенно делало конфликты крестьян с государственной лесной администрацией более острыми (Velychenko, 2001).

Основными источниками нашего исследования стали документы правительственных учреждений, которые отложились в Российском государственном историческом архиве: фонды Лесного департамента Министерства государственных имуществ (Ф. 387) и Главного управления уделов Министерства императорского двора (Ф. 515), что накладывает свой отпечаток на выбор ситуаций, проанализированных в данной работе. В большинстве случаев мы имели дело с острыми конфликтами, которые не смогла разрешить местная администрация. Отчасти мы воспользовались материалами Национального исторического архива Беларуси в г. Гродно (НИ-АБГ): Гродненского губернского по крестьянским делам присутствия (Ф. 10) и канцелярии Гродненского губернатора (Ф. 1). Были использованы и опубликованные источники: инструкции чиновникам, лесная и сельскохозяйственная периодика, материалы совещаний и съездов.

Краткое описание Беловежской пушчи с точки зрения возможностей выпаса скота

Беловежская пушча сегодня занимает 1450 км² и располагается на границе Польши и Белоруссии. Этот самый старый из равнинных лесных массивов Европы имеет огромное биоразнообразие и небольшую долю открытых пространств (речные долины и болота). Отличительной чертой истории Беловежской пушчи на протяжении нескольких столетий является ее охраняемый статус (Samojlik et al., 2020). Благодаря обилию крупной дичи, в том числе легендарного зубра, уже в XV столетии Пушча стала заповедным охотничьим лесом польских королей и литовских великих князей. К 1510 году здесь была устроена лесная администрация. На протяжении большей части XVIII века лесничему подчинялись 13 стражников, каждый из которых заведовал одной частью леса — стражей, и имел

А. А. Федотова
«За убитую в Беловежской пушче зубрицу запрещена пастьба скота»: выпас скота в лесу как традиционная форма крестьянского лесопользования в долгом XIX веке

в подчинении нескольких стрельцов⁸. Лесная стража жила в большом селе в центре Пущи — Беловеже и в деревушках на окраинах леса. Основной обязанностью стражи были охрана леса и дичи, контроль за использованием лесных ресурсов и организация королевских или великокняжеских охот. Статус леса не допускал сплошных рубок, расчисток или распашек, что существенно сдерживало рост населения как в самой Пуще, так и на близлежащих территориях. Палинологический анализ показывает наиболее заметные фазы заселения и антропогенного влияния в течение так называемого Римского железного века, а затем — в современную эпоху. Все фазы заселения характеризовались слабой сельскохозяйственной активностью, и открытые пространства не создавали существенных разрывов в лесном покрове Беловежской пущи на протяжении всего голоцена до настоящего времени (Latalowa et al., 2013). Несмотря на заповедный режим, местные жители имели доступ к лесным ресурсам, в частности, могли косить сено на открытых пространствах и пасти скот в лесу (Samojlik, Rotherham, Jędrzejewska, 2013).

В Пуще традиционно разрешалось пасти только крупный рогатый скот и только в светлое время суток. Такое ограничение имело свою логику. Мелкий скот, особенно свиньи, часто становились добычей волков (Карцов, 1903). Козы повсеместно считались наиболее вредной для лесов скотиной, обгрызающей кору деревьев (Классон, 1844)⁹. Запрет пастбы лошадей имел другие основания. Лошадей обычно пасут ночью, и на каждые две-три лошади нужен пастух. Это связано с подвижностью лошадей и распространенностью конокрадства в регионе. Пушанская администрация подозревала пастухов в браконьерстве и других нарушениях, поэтому категорически возражала против пастбы лошадей в лесу¹⁰. Более того, пастба лошадей в Пуще могла быть опасна, так как зубры иногда атаковали лошадей и убивали их¹¹. Все это не означает, что крестьяне действительно не пасли их в лесу: в конце XIX — начале XX века администрация часто штрафовала крестьян за выпас в Пуще и свиней, и лошадей¹².

Во второй половине XVIII века было предложено ограничить пастбу скота расстоянием $\frac{1}{4}$ мили (0,4 км) от деревень, так как скот

8. Аналогичная система существовала и в других лесных массивах региона, хотя названия «должностей» могли отличаться.

9. См. также: РГИА. Ф. 1589. Оп. 3. Д. 80. Строгий запрет на выпас коз в лесах существовал в Крыму с 1850 года: РГИА. Ф. 387. Оп. 3. Д. 22945.

10. Это регулярно подтверждалось распоряжениями администрации: РГИА. Ф. 515. Оп. 43. Д. 723. Л. 23.

11. В удельный период крестьяне иногда требовали компенсаций за лошадей, убитых зубрами, но получали их крайне редко, см.: РГИА. Ф. 515. Оп. 43. Д. 283, 284.

12. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБГ). Ф. 108. Оп. 3. Д. 23.

повреждал молодые побеги деревьев¹³. Вероятно, попытка введения запрета была вызвана ростом численности скота и обеспокоенностью лесничих его потенциальным негативным влиянием на лес (Samojlik, Kuiper, 2013). Возможно, мы не должны считать эти предложения реальной попыткой введения ограничений, а лишь теоретическими рассуждениями в связи с общими тенденциями в лесном хозяйстве. Так, российские форштмейстерские инструкции конца XVIII века содержали специальные указания на необходимость защиты леса от любого вреда, причиняемого пастьбой скота, и требовали штрафовать владельцев скота в соответствии с причиненным ущербом¹⁴. Фактическое применение этих принципов на практике, однако, находилось за пределами реальных возможностей лесных чиновников (Лупанова, 2017). Конкретные случаи причинения вреда лесу из-за выпаса скота обсуждались лишь в составе более крупных дел¹⁵.

Современные взгляды на ценность лесных материалов малоприменимы ко многим местностям Восточной Европы до развития там сети железных дорог. Вывоз древесины из лесов, располагавшихся вдали от рынков сбыта или сплавных рек, часто делал лесозаготовки невыгодными¹⁶. Поэтому лесные массивы оценивались в связи с их ресурсами для местного, почти натурального, хозяйства: древесина для строений и домашней утвари, дрова, косьба сена на лесных полянах, выпас скота и так далее¹⁷. Именно о таком подходе говорил О. С. Красуский, доцент Ново-Александровского института, характеризуя лесопользование в соседнем с Гродненской губернией регионе — в Царстве Польском: «Выгодность лесоводства усматривалась не в нем самом, но во влиянии его на успехи сельского хозяйства, на пользу которого и обращаемы были произведения лесной почвы» (Красуский, 1878: 4). Описывая отношение помещиков к своим лесам, он писал с осуждением: «Владельцы лесов не только пользовались [лесами] произвольно, но, сверх того, предоставляли крестьянам взамен отработки <...> получать лес на починку строений, изгородей, топливо, пользоваться пастьбой скота, сгребанием подстилки и пр., нисколько не соображаясь <...> с состоянием лесов <...>» (Там же). Беловежская пуца, не имевшая удобных сплавных путей и рынков сбыта, представляла именно такой случай.

13. Harnak G. Summariusz z Podatków Łowieckich (1764): Lietuvos Valstybės Istorijos Archyvas. SA 11575.

14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 25. № 18533–18534; Инструкции Адмиралтейской коллегии лесоискателям, вельдмейстерам и почтмейстерам: РГИА. Ф. 1594. Оп. 1. Д. 3. Л. 147–148 и др.

15. Например: РГИА. Ф. 387. Оп. 28. Д. 2655.

16. О понятии timber frontier как территории, заготовка леса на которой является коммерчески выгодной, и о продвижении этой границы в течение XIX века на север и восток см.: Lotz, 2015.

17. Попытку лесничего середины XIX века оценить экономическое значение лесных ресурсов во всем их разнообразии см.: Бульмеринг, 1848.

ИСТОРИЯ

На протяжении первых десятилетий после Третьего раздела Польши (1795) управление присоединенными территориями осуществлялось «на прежнем основании» и в целом ситуация менялась сравнительно медленно (Неупокоев, 1976; Samojlik et al., 2020). Это особенно верно в отношении лесов, перешедших, как Беловежская пуца, в казенную собственность. Заявления о необходимости введения принципов рационального лесного хозяйства оставались в этот период по большей части только на бумаге¹⁸. Многие лесные ресурсы, хотя и считались формально государственной собственностью, фактически находились в общинном пользовании¹⁹.

Вероятно, благодаря славе королевского леса, указу Александра I об охране зубров 1802 года и другим распоряжениям, подтвердившим заповедный режим, Беловежская пуца мало пострадала от вырубок и захватов, последовавших за Третьим разделом Польши. Исключением была ее 13-я стража, подаренная Екатериной II графу Петру Алексеевичу Румянцеву (Samojlik et al., 2020). Вскоре после смерти Румянцева (1796) наследники продали лес, который был вырублен, а земли расчищены²⁰. Хотя в целом в первой половине XIX века Гродненская губерния была по-прежнему богата лесами (Бобровский, 1863; Аноним, 1849), конфликты казны с помещиками могли быть острыми. Иногда они доходили до того, что помещик захватывал часть казенной лесной дачи, грабил и выгонял стрельцов из их казенных усадеб²¹. Разумеется, в такой обстановке российские власти должны были внедрять новые правила с большой осторожностью. Ключевой задачей лесной администрации было остановить самовольную рубку и расчистку казенных лесов. В Гродненской губернии эта задача в целом была выполнена к 1820-м годам²². Следующей задачей стало последовательное размежевание казенных лесов с частными владельцами и крестьянскими общинами, что в целом было сделано к 1830–1840-м годам²³.

В 1830-х годах администрация как в столице, так и в губерниях несколько раз поднимала вопрос о контроле над крестьянскими пользованиями, которые постепенно начали считаться нежелательными для «рационального» лесного хозяйства. Традиционные лесопользования включали (кроме очевидного получения деловой древе-

18. О нехватке персонала и перегруженности форштмейстеров служебными обязанностями в конце XVIII — начале XIX века см.: Лупанова, 2017; Лесной департамент, 1898.

19. В Южной Европе ситуация могла быть похожей, и крестьянская община могла иметь доступ к ресурсам казенных лесов (Ruano, 2013).

20. НИАБГ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 57.

21. НИАБГ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 736. Л. 86–87; Оп. 2. Д. 538. Л. 27–29, 36, 59–61, 77–79, 86, 112, 132–134.

22. РГИА. Ф. 379. Оп. 4. Д. 832.

23. РГИА. Ф. 379. Оп. 7. Д. 306–314.

сины и дров) бортничество (Лоскутова, Федотова, 2019), вырубание кусков из смолистой нижней части сосновых деревьев для растопки (Samojlik et al., 2019), сдирание липовых лык (Samojlik, 2005) и так далее, но самой важной для крестьян (и вредной, с точки зрения лесничих) практик был выпас скота в лесу. Так, обер-форштмейстер Гродненской губернии уже в отчетах за 1819 и 1820 годы заявлял о необходимости строгого контроля над выпасом скота в лесах и его полного запрета в молодых насаждениях²⁴. Однако эти заявления редко имели реальные последствия: в 1824 году форштмейстер Пружанской дистанции требовал, чтобы Гродненская казенная палата запретила крестьянам пасти скот в соседней с Беловежской пушкой Шерешовской лесной даче. Палата, изучив вопрос, отказалась вводить запрет, заявив, что крестьяне этих казенных селений не имеют достаточных площадей пастбищ, а истребление скота нанесло бы им «большой убыток»²⁵.

Хотя на данном этапе у нас нет возможности оценить численность скота в окрестностях Беловежской пушки в этот период, о важности Пушки как источника кормов для местных жителей говорит аренда лесных полей под покосы. Во второй половине 1820-х годов оброк за сенокосные поляны в Беловежской пушке мог составлять 1/5 от всех казенных лесных доходов Гродненской губернии²⁶.

Документы лесного управления позволяют предположить, что присоединение польско-литовских территорий к Российской империи в первые десятилетия не слишком изменило порядок пользования лесными ресурсами для крестьянских общин в Беловежской пушке. Однако заявления немецкой школы лесного управления о возможностях увеличения казенных доходов от продажи деловой древесины постепенно меняли приоритеты чиновников и в Российской империи. Лесничие, получившие в рамках этой школы подготовку нового, как тогда считалось рационального, лесного хозяйства, были склонны смотреть на выпас скота в лесах как на вредное явление. В лесной периодике появлялись статьи о вреде пастьбы скота для лесной почвы, прироста, семенной продуктивности деревьев и т.п. (Перелыгин, 1833; Семенов, 1836). Другие авторы обсуждали вопрос менее категорично, признавая как катастрофическую нехватку пастбищных площадей в большинстве губерний Европейской России, так и необходимость содержать скот для удобрения полей. Часто появлялись статьи с данными о питательной ценности лесных кормов, в том числе листьев и побегов деревьев разных пород, точные расчеты необходимой площади лесного паст-

24. РГИА. Ф. 379. Оп. 4. Д. 832. Л. 10, 25.

25. НИАБГ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 538. Л. 158–159.

26. РГИА. Ф. 379. Оп. 7. Д. 302–305. Среднегодовой доход от казенных лесов Гродненской губернии во второй половине 1820-х годов колебался в пределах 15–20 тысяч рублей, из которых более 3 тысяч поступали за сенокосные поляны в Беловежской пушке.

бища на голову скота и т. д. Большая часть таких статей была основана на данных из германоязычных регионов и предлагала самый жесткий контроль над выпасом (Классон, 1844; Ненсберг, 1859 и др.)²⁷. Такое отношение лесной администрации к крестьянским лесопользованиям закладывало основы для будущих конфликтов.

Дореформенный казенный период (1843–1860)

В 1837 году на базе Департамента государственных имуществ Министерства финансов было сформировано Министерство государственных имуществ (МГИ). В 1843 году в нем было образовано специальное подразделение для управления казенными лесами — Лесной департамент. Из губернских казенных палат (губернских представительств Министерства финансов) в 1838–1839 годах были выделены палаты государственных имуществ со специальными Лесными отделениями. Одной из важнейших целей нового министерства стала рационализация управления казенной собственностью, включая леса. Столичные и губернские лесные управления активно пополняли свои ряды специалистами, получившими образование в соответствии с принципами рационального лесного хозяйства. Целью этого нового рационального лесного хозяйства был рост доходов собственника (в данном случае государства) через увеличение производства товарной древесины. Идеальный лес, с точки зрения «рационального» лесничего, представлял собой высокоствольное одновозрастное насаждение одной, двух, редко трех ценных лесных пород; из них в Восточной Европе предпочитали дуб и сосну. Другие деревья, используемые в крестьянском хозяйстве, имели в глазах лесного чиновника значительно меньшую ценность. Многие традиционные лесопользования стали считаться нежелательными и даже вредными для лесного хозяйства, а крестьяне, по возможности, должны быть вытеснены из казенного леса.

Цели МГИ, впрочем, отличались от целей собственно лесной администрации. В ведение МГИ входили государственные крестьяне и забота об уплате ими податей, так что министерство осторожно относилось к инициативам Лесного департамента и лесных отделений губернских палат по ограничению доступа крестьян к привычным ресурсам.

В 1840–1850-х годах Лесной департамент сделал ряд шагов по введению в Беловежской пушце рационального лесного хозяйства. Постепенно вместо польской системы организации лесной охраны в губернии была введена стандартная для всей империи система. В конце 1840-х годов вместо деления на 12 страж Пушца была разделена на четы-

27. Публикации о кормовой ценности разных частей деревьев и кустарников появлялись и в конце XIX — начале XX века, особенно активно после неурожаяев (Дмитриев, 1896).

ре лесничества, каждым из которых управлял лесничий. Лесничества делились на обходы, за которые отвечали семейства постоянной лесной стражи²⁸. Было утверждено первое для Пушчи лесоустройство (т. е. «рациональный» план рубок)²⁹. Прямые просеки поделили ее на аккуратные прямоугольные кварталы по две квадратных версты. Все эти нововведения, однако, мало повлияли на практику выпаса скота. МГИ осознавало, что крестьянское хозяйство зависит от скота и от доступных общине пастбищных площадей. Более того, несмотря на рост населения в губернии, его численность в окрестностях Пушчи оставалась невысокой, и небольшое поголовье скота не могло причинить огромному лесу сколько-нибудь серьезный вред. Крестьяне продолжали использовать лесные ресурсы в соответствии с потребностями своих почти натуральных хозяйств. Годовые отчеты Лесного отделения Гродненской палаты государственных имуществ в 1840–1850-х годах повторяли без особых изменений: «Пастьба скота, производство охоты на мелкую дичь, соби́рание разных лесных произведений (орехов, грибов, ягод и т.п.) дозволялась в лесах Гродненской губернии местной лесной страже и государственным крестьянам без всякого платежа»³⁰. В таких случаях палаты государственных имуществ, в том числе и Гродненская, напоминали, что речь идет об удовлетворении только собственных домашних нужд³¹.

Очевидно, что в регионах с более высокой плотностью населения и меньшей площадью лесов ситуация могла отличаться. Нами были найдены документы, обсуждавшие ограничения по выпасу скота в казенных лесничествах Тамбовской, Киевской и других малолесных губерниях³². Плату за выпас уже в этот период могли взимать в казенных лесах губерний Царства Польского, находившихся в ведении Министерства финансов³³. Общеимперские инструкции о правах и обязанностях лесной стражи 1840–1850-х годов специально указывали, что лесная стража имеет право бесплатно пасти свой скот в казенном лесу (Арнольд, 1883), а «Правила о защите лесов,

28. Лесничий был государственным чиновником, желательно — со специальным образованием. В лесную стражу могли поступать отставные «нижние чины» или воспитанники лесных училищ. В Беловежской пушце постоянная лесная стража была сформирована путем переименования стрельцов, служивших с «польских» времен, и некоторого изменения их должностных обязанностей.

29. РГИА. Ф. 387. Оп. 1. Д. 7057–7059.

30. РГИА. Ф. 387. Оп. 28. Д. 1312. Л. 35; Д. 1313. Л. 650б-66. См. также: РГИА. Ф. 387. Оп. 27. Д. 23, 45, 46.

31. У нас, впрочем, нет никаких документов, свидетельствующих о контроле за тем, пасти ли крестьяне Гродненской губернии в казенных лесах только свой скот или, кроме того, откармливали скотину на продажу. В доносах на злоупотребления лесной стражи по разным губерниям крестьяне иногда указывали как на одно из нарушений, что стража берет скотину на откорм и выпасает ее в казенном лесу.

32. РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 21570, 22125.

33. См.: РГИА. Ф. 387. Оп. 26. Д. 95, 2342, 2343, 2344, 2369, 2371.

лугов и других земель», изданные в середине XIX века, упоминали штрафы за выпас скота без специальных разрешений (Департамент сельского хозяйства, 1856: 14).

Отношения крестьян с лесной администрацией могли отличаться даже на территории одного лесного массива. В 1841 году во главе одной из 12 страж Беловежской пуши, Наревской, был поставлен недавний выпускник Санкт-Петербургского лесного института Ф. Череев. По заданию МГИ он должен был ввести в ней образцовое хозяйство, для чего он дал краткое описание леса и хозяйства в нем. Череев объяснил, что крестьяне деревень, расположенных вблизи усадеб лесной стражи, соблюдали необходимые предосторожности при пользовании огнем и пастьбе скота; крестьяне деревень, расположенных в более отдаленных местах, напротив, пользуясь отсутствием контроля, приносили немалый вред лесу³⁴.

В целом же во многих случаях (и это верно для большинства деревень в окрестностях Беловежской пуши) казенные леса оказывались единственно доступными пастбищами для крестьянской общины. Запрет означал бы невозможность содержать нужное количество скотины и удобрять поля навозом, а следовательно — постоянные неурожаи.

Пореформенный казенный период (1861–1888)

Начало этого периода отмечают два важных события. Первое из них, Великие реформы, имело общеимперский масштаб. Второе, несмотря на местный характер, имело для Пуши не меньшую важность: осенью 1860 года была организована первая беловежская охота русского царя (Карцов, 1903; Фукс, Зичи, 1862). Результатом ее стал огромный интерес Романовых и их окружения к зубру и к Пуще. В 1888 году Беловежская пуща выкуплена в собственность царской семьи и поступила в удельное ведомство Министерства императорского двора.

Одной из важных реформ царствования Александра II стала полная перестройка МГИ. Забота о государственных крестьянах перестала быть задачей этого ведомства (1866), и оно должно было (после наделения бывших государственных крестьян землей) сосредоточиться на максимизации прибыли от эксплуатации государственных имуществ. Одной из целей лесной администрации стало приучение крестьян к мысли о том, что казенные леса не являются общественной собственностью, и доступ к этому ресурсу должен быть ограничен и/или осуществляться за плату. Крестьяне, в свою очередь, использовали все доступные им средства, чтобы заставить лесное управление пойти на уступки (Министерство государственных имуществ, 1888).

34. НИАБГ. Ф. 330. Оп. 1. Д. 4.

В 1864 году после продолжительного обсуждения Лесной департамент издал правила выпаса скота в государственных лесах. Эти правила обозначали, как устанавливать плату за выпас, допустимое количество скота на одну десятину, меры защиты уязвимых насаждений, ответственность крестьян за нарушения и т. д.³⁵ Правила позволяли пастьбу скота в казенном лесу только тем селениям, которые не имели пастбищ или имели их в недостаточном объеме. Они запрещали выпас в молодых насаждениях («не выросших из-под морды скота»), на вырубках, на участках с песчаной почвой и в других условиях, когда лесные сообщества оказываются особенно уязвимы по отношению к пастбищной нагрузке. Чтобы уменьшить вред от скота, требовалось менять места пастьбы каждые несколько лет. Участки молодого леса, особенно лесные культуры, и другие уязвимые площади предписывалось огораживать или окапывать канавами, чтобы скот не имел к ним доступа. В качестве пастуха необходимо было нанимать опытного человека, который в случае нарушений мог отвечать перед судом. Умеренный выпас крупного рогатого скота признавался сравнительно безвредным для зрелых насаждений, но во многих регионах в лесу запрещался выпас свиней, овец и коз, а в некоторых — также и лошадей. Пастуху запрещалось разводить огонь, охотиться, ставить силки, разорять гнезда, похищать лесной материал. Вскоре лесничие разных губерний обнаружили ряд недостатков и неудобств в применении правил; началась подготовка новой редакции, изданной в 1870 году³⁶. Новые правила упрощали выдачу билетов на пастьбу и уплату штрафов за нарушения³⁷.

Крестьянские общины, не имевшие достаточных пастбищных площадей и желавшие получить пастьбу в лесу, должны были подписать специальный контракт с лесничим до начала пастбищного сезона (в Беловежской пуще он обычно длился с 15 апреля по 15 октября), уплатить необходимую сумму, получить специальный билет, а при необходимости — построить изгороди, мостики и пр. На практике оказывалось, что большинство общин не выполняли условия: они не огораживали участки с молодыми деревьями, не подписывали обязательств об ответственности за нарушения на пастбищной территории, выпускали в лес большее количество скота, чем оплачивали, и выгоняли скот в лес без пастухов³⁸.

Плата за выпас определялась в соответствии с местными особенностями и значительно варьировала не только в разных губерниях, но даже в разных частях одного лесничества, в зависимости от качества пастбищ и от состоятельности крестьян. Переписка по обсуждению новой редакции правил показывает, что чиновники, опре-

35. РГИА. Ф. 387. Оп. 25. Д. 37. Л. 114–137.

36. РГИА. Ф. 387. Оп. 25. Д. 52. Л. 42–80.

37. Циркуляр Лесного департамента от 14 октября 1870 г. № 18508 (Вереха, 1877).

38. РГИА. Ф. 387. Оп. 28. Д. 1314; Оп. 2. Д. 27825; Оп. 4. Д. 28905.

деляя размер платы, исходили не из ущерба, причиняемого лесам, и не из стоимости кормов, необходимых для скотины на сезон. Сумма рассчитывалась исходя из возможностей крестьянских хозяйств. К примеру, Гродненское управление государственных имуществ в переписке по поводу изменения правил выпаса скота требовало снизить плату с 25 до 10 копеек за десятину пастбищной площади, говоря, что плата в 25 копеек будет слишком тяжелым бременем и крестьяне откажутся платить совсем³⁹. Лесные чиновники подчеркивали, что плата за выпас вводится не для увеличения лесных доходов, а для приучения крестьян к мысли о том, что лес не является общественной собственностью, и основания, на которых рассчитывался размер платы, вполне подтверждают эти заявления.

Имеющиеся в архивном фонде Лесного департамента МГИ документы позволяют предположить, что в 1880-х годах правила пастбы в редакции 1870 года систематически применялись во многих казенных лесах Европейской России, за исключением малонаселенных и богатых лесом губерний северо-востока. В густонаселенных, малолесных и особенно в засушливых местностях лесничие отмечали, что выпас скота причиняет значительный вред лесам, и с разной степенью успеха пытались ограничить или полностью запретить его⁴⁰.

Чиновники хозяйственных отделений губернских управлений государственных имуществ, и особенно канцелярий губернаторов, часто шли навстречу крестьянам в их просьбах освободить от платы за выпас после неурожайного года, понизить плату за выпас бедным крестьянским общинам⁴¹. Лесничие, напротив, жаловались на трудности законного преследования крестьян за нарушения правил выпаса. Штраф обычно составлял от 10 копеек до 1 рубля за голову скота, а общая сумма штрафа редко достигала 15 рублей. Расходы лесничего на поездки в суд были значительно выше, а судьи часто вставали на сторону крестьян⁴². Крестьяне, вероятно, понимали эти особенности судопроизводства, так что лесничим оставалось толь-

39. РГИА. Ф. 387. Оп. 25. Д. 52. Л. 53–53об.

40. См.: РГИА. Ф. 387. Оп. 3. Д. 27825, а также материалы Всероссийских съездов лесовладельцев и лесохозяев, обсуждавших этот вопрос: Сборник вводных докладов по вопросам, предложенным к обсуждению членов IV Съезда лесохозяев в г. Варшаве (со 2 по 12 августа 1878 г.). СПб.: Лесное о-во, 1878; Труды IV Всероссийского съезда лесохозяев в г. Варшаве (со 2 по 12 авг. 1878 г.) / Сост. по стеногр. отчету А. П. Тулинова, под ред. Н. С. Шафранова. СПб.: А. Ф. Девриен, 1879; Вводные доклады Пятому Всероссийскому съезду лесохозяев в Москве (с 1 по 10 авг. 1882 г.). СПб.: тип. В. Киршбаума, 1882. Подробное изучение негативного влияния значительной пастбищной нагрузки на лесные экосистемы было предпринято в раннесоветское время (Фальковский, 1928; Фальковский 1929).

41. См.: РГИА. Ф. 387. Оп. 4. Д. 30303; Оп. 26. Д. 2342–2344, 2369, 2417; Ф. 515. Оп. 42. Д. 2936, 3417, 4483; Оп. 80. Д. 874, 881.

42. См.: РГИА. Ф. 387. Оп. 3. Д. 27825. Л. 1–7, 38–40.

ко сообщать в Лесной департамент о своих затруднениях⁴³, а также обсуждать их на съездах (Политаев, 1879). Возможность уплаты штрафа на месте, введенная редакцией правил 1870 года, упростила вопрос и для лесничих, и для крестьян. Впрочем, некоторые крестьянские общины накапливали серьезные задолженности⁴⁴.

Доход казны от пастьбы скота и других традиционных землепользований редко достигал значительных сумм в абсолютных цифрах или в относительном выражении. Как показывают собранные чиновниками в ходе подготовки обмена между удельным ведомством и казной сведения, поступления за выпас в Пушце в 1882–1886 годах колебались от 2,5 до 5,3 тыс. рублей в год (от 2,4 до 7,5% валового дохода)⁴⁵. В целом по Гродненской губернии за период 1874–1882 годов они колебались от 13 до 31 тыс. рублей в год, что составляло обычно до 16% от общего дохода от государственных лесов Гродненской губернии, но чаще 6–10%⁴⁶.

Цифровые данные согласуются с нарративными источниками. Внедрение новых правил о выпасе скота шло медленно. В 1870-х годах Лесное отделение Гродненского управления государственных имуществ жаловалось, что «несмотря ни на какие строгости» крестьяне «увертываются, платят штраф, подкупают стражу». «При разрешении пастьбы скота в казенных лесах, <...> имелось в виду, что <...> при <...> соблюдении известных предосторожностей пастьба не может принести лесу особенного вреда. Но <...> большая часть этих предостережений не соблюдается»⁴⁷.

Хотя и лесничие государственных лесов, и помещики считали выпас скота в лесах одним из важнейших препятствий, мешающих организации правильного лесного хозяйства, попытки достигнуть договоренности с крестьянами о выкупе пастбищного сервитута почти никогда не достигали успеха⁴⁸. Крестьяне, по мнению противоположной стороны, запрашивали слишком высокие компенсации (Семашко, 1899; Портен, 1903; Ширяев, 1903), а все меры, предлагаемые властями, сводились к ограничительным. Так, Гродненское управление государственных имуществ, обсуждая меры поощрения крестьян к улучшению лугов и к переходу от трехпольной системы к более сложным севооборотам с травосеянием, в 1879 году делало только

43. РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 21570, 22125, 22692; Оп. 3. Д. 27825.

44. РГИА. Ф. 515. Оп. 80. Д. 881.

45. РГИА. Ф. 515. Оп. 42. Д. 3415. Л. 294–295.

46. НИАБГ. Ф. 1. Оп. 15. Д. 143; Оп. 16. Д. 591, 965, 1343, 184, 591, 953, 1243; Оп. 17. Д. 204. Доля в целом по Европейской части империи была еще ниже: в конце 1870–1880-х гг. поступления от пастьбы составляли 3–5% от суммы валового дохода казенных лесов (Лесной департамент, 1898; РГИА. Ф. 387. Оп. 27. Д. 110; Оп. 28. Д. 1314).

47. РГИА. Ф. 387. Оп. 28. Д. 1314. Л. 18–19.

48. В НИАБГ сохранились многочисленные дела об отказе крестьян Гродненской губернии от ликвидации пастбищных сервитутов: НИАБГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10–32.

одно практическое предложение: увеличить сборы за выпас скота в лесу. По этой логике, крестьяне якобы сами начали бы избегать лесной пастьбы как невыгодной и сами перешли бы к травосеянию⁴⁹. Предложение, впрочем, не было принято, и плата за выпас в государственных лесах осталась прежней, причем в два-три раза ниже, чем в лесах помещиков. Активные меры по развитию травосеяния и улучшению лугов и сенокосов имперская администрация и местные власти стали принимать только в начале XX века⁵⁰.

Параллельно с трансформациями, общими для империи и региона, в Пуще происходили собственные изменения, связанные с тем, что Пуща являлась последним местообитанием зубра. После царской охоты в октябре 1860 года Романовы обратили внимание на Пущу как на потенциальное место для престижной охоты на легендарного зверя (Samojlik et al., 2020). Специалисты Лесного департамента и местные лесничие предложили ряд мер по улучшению условий существования диких копытных (Карцов, 1903; Генко, 1903; Samojlik et al., 2020)⁵¹. В соответствии с новыми приоритетами, крестьянский скот стал считаться вредным не только для лесного хозяйства, но и для диких животных из-за конкуренции за пастбищные площади и опасности эпизоотий⁵². Однако лесное управление не смогло даже слегка потеснить крестьянский скот из Пущи, так как именно в это время люстрационные комиссии наделяли землей бывших государственных крестьян. В итоге значительная часть открытых пространств внутри Пущи перешла в руки крестьян как сенокосы. Более того, население окрестностей Пущи выросло к этому моменту настолько, что люстрационные комиссии не смогли выделить крестьянским общинам положенные пастбищные площади и ограничились указанием на Пущу как на место пастьбы (Samojlik et al., 2020)⁵³. Дальнейший рост численности местного населения и связанный с ним рост численности скота, наряду с новыми приоритетами Управления Пущи (т. е. охрана дичи), стали в ближайшие десятилетия причиной существенных конфликтов.

Некоторые меры, направленные на охрану зубра, впрочем, были приняты. Эксперты очередной лесоустроительной партии (1870 год) потребовали более жесткого контроля над пастьбой. Они предполагали, что зубры держатся в основном в центральной части Пущи, посему требовали огородить ее «прочным забором» (Генко, 1903: 34). Пастьба скота в этих зубровых участках была полностью запрещена. Вполне возможно, что крестьяне и сами избегали зубровых кварталов, так как раздраженные зубры-самцы могли атаковать домашних

49. РГИА. Ф. 387. Оп. 28. Д. 1314. Л. 1906-20.

50. См.: Материалы по организации и культуре кормовой площади. Вып. 1–16. СПб.: ГУЗиЗ ДЗ, 1913–1916; Болотоведение: вестник Минской болотной опытной станции. Вып. 1–5. Минск, 1912–1917.

51. См. также: НИАБГ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 160. Л. 4–13.

52. РГИА. Ф. 387. Оп. 25. Д. 41. Л. 20.

53. РГИА. Ф. 515. Оп. 80. Д. 648. Л. 47.

быков. Забор был построен, хотя его возведение заняло у лесной администрации несколько лет, а сам он довольно быстро пришел в негодность (Генко, 1903; Карцов, 1903). В 1880-х годах стало ясно, что казенное лесное управление не обладает ресурсами, достаточными для надлежащей охраны зубров и организации условий для охоты на них представителей семьи Романовых. Министерство императорского двора начало переговоры о передаче Пущи в удельное управление (Samojlik et al., 2020).

Беловежская пуца как охотничья резервация Романовых: Удельный период (1889–1915)

К концу 1888 года завершился обмен Беловежской пуцы и прилегающей к ней Свислочской казенной лесной дачи на удельные лесные угодья в других губерниях. Пуца стала собственностью царской семьи и ее охотничьей резервацией⁵⁴. Из Лесного департамента МГИ она перешла в ведение Удельного департамента (с 1892 года — Главное управление уделов) Министерства императорского двора. Планы организовать коммерчески выгодное лесное хозяйство в Пуце отошли на второй план, а на первый вышли задачи по организации императорских охот. Это означало, что пуцанская администрация должна была заботиться об увеличении численности диких копытных.

Это повлекло множество изменений для жителей Пуцы и ее окрестностей, в том числе и в организации лесного выпаса скота. Во-первых, вопрос о том, что скот является конкурентом диких копытных в отношении подножного корма перестал быть чисто теоретическим, а получил реальное практическое значение. Во-вторых, изменение статуса лесного массива делало конфликт с крестьянами юридически более обоснованным⁵⁵. В-третьих, визиты высших должностных лиц, членов царской семьи и самого царя давали крестьянам больше возможностей подавать жалобы на пуцанскую администрацию. В-четвертых, строительство царского дворца с его инфраструктурой привело к повышению заработных плат, но также и росту цен на товары и услуги.

Прямым следствием изменения статуса Беловежской пуцы стало изменение отношения к крупному рогатому скоту. Последний теперь рассматривался как конкурент дичи за подножный корм и потенциальный переносчик болезней⁵⁶. С каждым годом количество

А. А. Федотова
«За убитую в Беловежской пуце зубрицу запрещена пастьба скота»: выпас скота в лесу как традиционная форма крестьянского лесопользования в долгом XIX веке

54. РГИА. Ф. 515. Оп. 42. Д. 3415.

55. Как мы указывали ранее, конфликт коренился в 1860-х гг., когда при наделении бывших государственных крестьян землей им не были выделены достаточные площади пастбищ, а было указано на Пуцу как на место пастьбы: РГИА. Ф. 515. Оп. 80. Д. 648.

56. РГИА. Ф. 515. Оп. 42. Д. 3606. Л. 64–65; Д. 3606. Л. 113–126.

дичи в лесу увеличивалось: кроме зубра, популяция которого росла сравнительно медленно, и кабана, которого подкармливали меньше других копытных, значительно выросла численность косули, реинтродуцированного благородного оленя и интродуцированной лани. Был существенно увеличен штат лесной и охотничьей стражи, что позволило лучше контролировать не только браконьеров и самовольные порубки, но и выпас скота (Samojlik et al., 2020).

Новая удельная администрация почти сразу существенно подняла цены на выпас и ограничила его площадь. Из-за этого многие домохозяйства были вынуждены сократить численность скота до необходимого минимума: ранее часть скота держали на откорм и продажу⁵⁷. Усовершенствования в охотничьем и лесном хозяйстве Беловежской пуши требовали рабочих рук, поэтому в 1894 году администрация решила заменить денежные выплаты натуральной повинностью и потребовала, чтобы крестьяне в обмен на право пастбы очищали лес от валежника. Чиновники, однако, некорректно оценили объем работ. Очистка пастбищной площади потребовала бы от крестьянских семейств непосильных трудозатрат. Крестьяне отказались подписывать невыполнимые для них контракты и на волостных сходах, «признавая пастбу скота нашего в Беловежской пуше делом первостепенной важности»⁵⁸, избрали поверенных, которые снова и снова подавали ходатайства во все возможные инстанции в Гродно и в Санкт-Петербурге. Вновь и вновь они напоминали, что в ходе реформы 1860-х годов они не получили положенных им по закону пастбищных наделов, что их «пашни повсеместно требуют навоза, без чего производительность почвы не отплачивает трудов сельского хозяина. Каждый хозяин должен содержать 5–8 голов рогатого скота, и без этого не сможет выплачивать денежные повинности и отбывать натуральные»⁵⁹. Администрация Пуши вынуждена была вернуться к обычному порядку оплаты выпаса⁶⁰, а со временем даже понизить цену за него.

В 1894 году в Пуше была введена специальная должность заведующего охотой. Иосиф Неврли, занимавший этот пост почти 20 лет, был одним из самых активных противников выпаса скота в охотничьих угодьях. Сохранился ряд его докладных записок о мерах к улучшению содержания дичи в Пуше с подробными описаниями негативного влияния крестьянского скота на питание и размножение дичи⁶¹. В 1900-х годах эти рассуждения, а также указания на опасность заноса болезней стали общим местом для ветеринаров, посещавших Пушу (Врублевский, 1912; Эккерт, Феддерс, 1912)⁶².

57. РГИА. Ф. 515. Оп. 43. Д. 109.

58. РГИА. Ф. 515. Оп. 43. Д. 109. Л. 21.

59. РГИА. Ф. 515. Оп. 43. Д. 109. Л. 22.

60. РГИА. Ф. 515. Оп. 43. Д. 109.

61. РГИА. Ф. 515. Оп. 42. Д. 4002. Л. 31–32; Д. 4583. Л. 80–93.

62. См. также: РГИА. Ф. 515. Оп. 80. Д. 409. Л. 21–24.

Пушанская администрация в целом соглашалась с мнением, что большое количество скота негативно сказывается на состоянии леса и популяции диких копытных. И если вред, причиняемый растительным сообществам на большей части Пуши в 1890-х годах, все еще можно было оценить как незначительный⁶³, то конкуренция с дичью за подножный корм и опасность распространения болезней была серьезной (Врублевский, 1908; Эккерт, Феддерс, 1912)⁶⁴. Создание и поддержание огромной популяции диких копытных требовало значительных финансовых ресурсов и персонала. Расходы только на зимнюю подкормку дичи в первые полтора десятилетия XX века колебались от 60 до 150 тысяч рублей в год (Samojlik et al., 2020)⁶⁵. В этих условиях выпас нескольких тысяч голов крестьянского скота, за который крестьяне платили скромные суммы и который значительно сокращал количество подножного корма, доступного для дичи, был серьезной проблемой.

При этом удельная администрация унаследовала обязательства казенного Беловежского лесного управления перед крестьянами. Следовательно, большая часть требований охотничьей администрации по ограничению пастьбы не могла быть удовлетворена. К началу Первой мировой войны администрация Пуши добилась только скромных результатов по ограничению поголовья крестьянского скота, пасущегося в лесу, численность которого колебалась между пятью и десятью тысячами голов (Samojlik, Fedotova, Kuijper, 2016).

В этот период существенно изменились возможности удельной администрации, получившей больше ресурсов для контроля над «правильностью» пастьбы. В билете на выпас точно оговаривалось количество скота, размеры и границы пастбищной площади и ответственность за нарушение правил выпаса. Лесная и охотничья стража действительно наблюдала за пастухами и скотом. Во время эпизоотий, которые случились летом 1910 и 1915 годов, пастьба скота в лесу прекращалась⁶⁶.

Неправильный выпас скота стал параграфом лесного устава, по которому происходили многочисленные нарушения еще в 1870-

63. Ботанико-географ И. К. Пачоский, посещавший Беловежскую пушу в 1890-е годы, писал, что, в отличие от большинства других лесов Полесья и Подляшья, в Пуше почти не заметно пастбищной деградации (Пачоский, 1901; см. также: Samojlik, Fedotova, Kuijper, 2016). Но уже в начале XX века специалисты отмечали подавление естественного возобновления почти всех лесных пород и кустарников по причине совокупного влияния огромного количества диких копытных и выпаса домашнего скота (Paczoski, 1930).

64. См. также: РГИА. Ф. 515. Оп. 80. Д. 775; Д. 1501; Ф. 1302. Оп. 8. Д. 252.

65. В начале XX столетия количество зубров колебалось между шестью и семью сотнями, число благородных оленей достигло пяти тысяч, косуль — шести тысяч, ланей — 1200, кабанов — двух тысяч: РГИА. Ф. 515. Оп. 80. Д. 662, 785, 897, 1068, 1194, 1317.

66. РГИА. Ф. 515. Оп. 80. Д. 775, 1501; Ф. 1302. Оп. 8. Д. 252.

1880-е годы, а в удельный период эта категория вышла в лидеры⁶⁷. Так, весной 1896 года управляющий Пущей сопроводил свой рапорт об отношении судебных и полицейских властей к конфликтам крестьян с уделами списком исполнительных листов, по которым решения «оставались без исполнения благодаря индифферентности местных властей»⁶⁸. Из 134 дел в этом списке формулировка «за самовольную пастьбу скота» встречается 84 раза⁶⁹. Такая частая фиксация нарушений правил выпаса скота должна быть связана и с более строгим контролем в удельный период по сравнению с казенным.

Нами был найден только один документ казенного периода, свидетельствующий о том, что лесничие использовали контроль за выпасом скота в качестве инструмента в борьбе с браконьерами⁷⁰. В удельный период этот специфический для Пущи инструмент давления на крестьян использовался довольно широко⁷¹.

Хотя в первое десятилетие удельного периода Пущанская администрация добилась успехов в сокращении браконьерства, до его полного прекращения было еще далеко⁷². Браконьеров было не так много, но соседи и родственники поддерживали и покрывали их. Рост популяции диких копытных привел к тому, что звери стали чаще выходить на поля, а браконьер стал для крестьян избавителем от вредных животных⁷³. Уездная полиция, обремененная обычными обязанностями, редко уделяла внимание расследованию браконьерских дел⁷⁴, а судьи сочувствовали скорее крестьянам, чьи поля страдали от диких копытных, чем удельному управлению⁷⁵. Во многих случаях только угроза оставить деревню без лесного пастбища могла заставить крестьян предпринять меры против своего соседа-браконьера. В силу того, что лесные пастбища были критически важным для крестьян ресурсом, этот инструмент давления оказывался довольно эффективным. Пример того,

67. НИАБГ. Ф. 108. Оп. 3. Д. 23.

68. РГИА. Ф. 515. Оп. 38. Д. 1163. Л. 35. Взыскание штрафов с крестьян тормозилось также особенностями законодательства, запрещавшего конфискацию имущества крестьянских домохозяйств (Crisp, 1989).

69. РГИА. Ф. 515. Оп. 38. Д. 1163. Л. 36–46.

70. РГИА. Ф. 387. Оп. 4. Д. 30331.

71. РГИА. Ф. 515. Оп. 43. Д. 38, 442; Оп. 80. Д. 648.

72. См.: РГИА. Ф. 515. Оп. 42. Д. 4346. Л. 21–34; Оп. 80. Д. 897. Л. 35–41.

73. См.: РГИА. Ф. 515. Оп. 80. Д. 897. Л. 35–41.

74. В донесениях Управления Беловежской пущи реальное содействие полиции в расследовании браконьерских дел и судов — в преследовании браконьеров описывалось как исключительные случаи (см.: РГИА. Ф. 515. Оп. 42. Д. 4346. Л. 21–34). В январе 1896 года управляющий Пущей предложил принять на счет Удельного ведомства расходы по содержанию восьми конно-полицейских урядников, которые занимались бы борьбой с браконьерством в Пуще (РГИА. Ф. 515. Оп. 42. Д. 3606. Л. 64–65, 68–84, 91–102). Предложение было реализовано и вскоре дало желаемый эффект.

75. Об этом свидетельствуют многочисленные судебные случаи против браконьеров, см.: РГИА. Ф. 515. Оп. 38. Д. 411, 416, 1104, 1163; Оп. 39. Д. 212, 213, 549, 635; Оп. 42. Д. 3359, 3505, 3707, 3999; Оп. 43. Д. 272, 637.

как это могло происходить, мы привели в начале статьи. В ответном рапорте 5 мая 1914 года управляющий Пущей писал в Санкт-Петербург, что ограничение в пастьбе дало свои результаты: крестьяне не только выдали браконьеров, но 30 апреля составили общественный приговор об исключении из своего общества и выселении за пределы Гродненской губернии самого злостного из них. В РГИА сохранились описания и других конфликтов. В декабре 1898 года беловежские крестьяне, собравшиеся на лесные работы, топорами и колыями забили зубрицу, вышедшую на уже замерзшее поле. Удельное управление заявило, что вся деревня останется без пастьбы до тех пор, пока не будут выданы зачинщики⁷⁶. В июне 1909 года Управление Пущи уменьшило площадь пастьбы для деревни Чвирки, так как «крестьяне почти всей деревни не прекращают заниматься браконьерством <...> и <...> опять на днях убили оленя-рогача»⁷⁷. Столичное удельное управление, как правило, поддерживало такие инициативы.

К началу XX века администрация Пущи, закончив строительство дворца и добившись увеличения поголовья диких копытных, обратила внимание на улучшение доступного для них подножного корма⁷⁸. Разумеется, одной из самых эффективных мер был бы обмен крестьянских земель внутри Пущи на другие участки, за ее пределами⁷⁹. Переговоры с крестьянами, однако, шли тяжело, многие не хотели переселяться или требовали слишком больших, по мнению удельного управления, компенсаций. В этих случаях ограничение пастьбы также использовалось как способ давления на них. К примеру, весной 1902 года крестьяне деревни Погорельцы жаловались в столицу, что Управление Пущи не позволяет им наниматься на удельные работы и пасти скот в лесу. Управляющий в своем рапорте объяснял столичному начальству, что хотя жалобы крестьян преувеличены, но некоторые ограничения действительно были введены им из-за того, что крестьяне отказались от договоренностей по переселению из Пущи⁸⁰.

Статус Пущи как царской резиденции давал крестьянам возможности для жалоб, которые поступали в удельное ведомство, в канцелярию Министерства императорского двора и на высочайшее имя. Разумеется, крестьяне других местностей, где имелись удельные имения, также писали ходатайства в столицу и иногда получа-

76. РГИА. Ф. 515. Оп. 42. Д. 3707.

77. РГИА. Ф. 515. Оп. 80. Д. 648. Л. 43. Крупный самец благородного оленя (рогач) считался самым ценным после зубра охотничьим трофеем.

78. РГИА. Ф. 515. Оп. 80. Д. 785.

79. РГИА. Ф. 515. Оп. 43. Д. 723.

80. РГИА. Ф. 515. Оп. 43. Д. 442. Строго говоря, удельная администрация использовала ограничение пастьбы как инструмент давления на крестьян уже во время строительства Беловежского дворца с его инфраструктурой, чтобы выменять земли, нужные для парка, дорог и спрямления рек; см.: РГИА. Ф. 515. Оп. 43. Д. 217.

ли просимое⁸¹. Пушанские крестьяне в удельный период были особенно успешны в защите своих интересов благодаря новой близости ко двору. В случаях, подобных новосадскому, описанному в начале статьи, крестьяне не просто подавали прошения, они знали местонахождение царя и домашние адреса чиновников высшего эшелона⁸². Многие ходатайства весьма эмоциональны⁸³. Крестьяне жаловались на пушанское управление в целом и на отдельных служащих⁸⁴. Аргументами в пользу сохранения численности скота и площади лесного пастбища выступали: необходимость удобрять землю навозом, откорм скота на продажу для уплаты податей и необходимость кормить детей; очень часто делался акцент и на давность пользования пастьбой в Пуще. Нередко в своих ходатайствах крестьяне искажали реальное положение дел: как объясняла местная администрация в ответных рапортах в столицу, крестьяне могли занижать размеры пастбищных площадей, преувеличивать проступки лесной стражи и просто фантазировать. В одном из ходатайств просители сетовали, что из-за «оскудения хозяйств» «многие бегут на заработки в Америку, чтобы поддержать своих родных», и «к великому нашему приискорбию возвращаются испорченными»⁸⁵.

В тех случаях, когда местная администрация подтверждала сведения о бедственном положении крестьян, столичная власть предлагала, по возможности, удовлетворять ходатайства⁸⁶. Пушанская удельная администрация, как и государственное лесное управление ранее, признавала, что главной целью платы за выпас является не компенсация убытков, наносимых лесному хозяйству, а приучение крестьян к мысли, что лес не является общинной собственностью. Удельное ведомство соглашалось, что обеспечение крестьян пастбищными площадями в окрестностях Пушцы является обязанностью, унаследованной от «казенного» периода. По этой причине Уделы сравнительно легко шли на то, чтобы понизить таксу за выпас. В 1870–1880-х годах обычная плата за выпас в Гродненской губернии составляла 50 копеек за голову крупного рогатого скота в год. В 1890-х годах в Пуще она выросла до 1 руб. 40 коп. В 1900 году была снижена до 1 рубля 20 коп., а в 1905 году — до 1 рубля. В 1912 году новый управляющий Пушцы предлагал увеличить таксу и приводил данные о динамике поденной

81. РГИА. Ф. 387. Оп. 4. Д. 30303; Оп. 26. Д. 2342–2344, 2369, 2417; Ф. 515. Оп. 42. Д. 2936, 3417, 4483; Оп. 80. Д. 874, 881.

82. РГИА. Ф. 515. Оп. 80. Д. 1309.

83. «Скот наш падает на поле от голоду, потому терпим великую нужду» (РГИА. Ф. 515. Оп. 80. Д. 1192. Л. 8); «Дети голодают без молока» (Там же. Д. 1188. Л. 5); «Пастбищ мы теперь не имеем вовсе и куда нам деться?» (Там же. Д. 1058. Л. 50).

84. См., например, донос на одного из лесных стражников: РГИА. Ф. 515. Оп. 39. Д. 216.

85. РГИА. Ф. 515. Оп. 80. Д. 648. Л. 30–31.

86. РГИА. Ф. 387. Оп. 26. Д. 2369, 2344; Ф. 515. Оп. 42. Д. 3417; НИАБГ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 121.

платы в Пуще. На рубеже XIX–XX столетий она составляла 40 копеек для работника (женщинам и подросткам платили $\frac{2}{3}$ или $\frac{1}{2}$ от мужской таксы), для работника с лошадей — один рубль. К 1910-м годам плата работникам выросла в 2–3 раза; зимой цена на конного работника могла достигать 5 рублей в день⁸⁷. Плата в 1 рубль за пастбищный сезон с головы крупного рогатого скота не могла считаться существенной сравнительно со стоимостью кормов. Цены на сено, которое Пуцанская администрация закупала для подкормки дичи в 1905–1910 годах, колебались от 35 до 65 копеек за пуд⁸⁸. Таким образом, заключал управляющий Пущей, плата за выпас превратилась в формальность не только для уделов, но и для крестьян⁸⁹. Столичная удельная администрация, однако, отложила решение вопроса, и к началу Первой мировой войны плата оставалась все той же.

Не менее успешно крестьяне боролись за размер пастбищных площадей. Как показывают данные Самойлика с соавторами, в начале удельного периода пастбищная площадь достигала 52 тысячи десятин (почти половина площади Пущи) (Samojlik, Fedotova, Kuiper, 2016). В конце 1890-х — начале 1900-х годов она постепенно сокращалась, снизившись к 1904 году до 19,5 тысячи десятин. В этом году случился неурожай, что заставило пуцанскую администрацию в следующем году удовлетворить ходатайства крестьян по увеличению пастьбы до 40,5 тысячи десятин⁹⁰. Дополнительным основанием для уступок было нежелание допустить волнений в беспокойный год Первой русской революции вблизи царской резиденции⁹¹.

Документы о взаимодействии крестьян с чиновниками по вопросу пастьбы в лесах других удельных управлений производят сходное впечатление. Управляющие, как правило, старались защитить от выпаса наиболее уязвимые леса, но под давлением крестьянских прошений, поддерживаемых губернаторами и земствами, удельное ведомство часто давало распоряжения идти на уступки как в отношении платы, так и в отношении размера пастбищных площадей. Для принятия решений удельное ведомство запрашивало сведения о материальном положении просителей, а не только о состоянии лесных дач. Уступки делались в годы неурожая и стихийных бедствий: в таких случаях управляющие казенными имуществами и удельными именными разрешали крестьянам бесплатную пастьбу скота в лесных дачах, собр валежника, ягод, грибов и пр.⁹²

Пастьба крестьянского скота в Пуще, как и в целом в лесах Восточной Европы, продолжалась в первой половине XX века, по-

87. РГИА. Ф. 515. Оп. 80. Д. 1058. Л. 8.

88. РГИА. Ф. 515. Оп. 80. Д. 897. Л. 14–15.

89. РГИА. Ф. 515. Оп. 80. Д. 1058. Л. 8. См. также: РГИА. Ф. 515. Оп. 43. Д. 38; Оп. 80. Д. 1188.

90. РГИА. Ф. 515. Оп. 43. Д. 723, 724. Оп. 80. Д. 648.

91. РГИА. Ф. 515. Оп. 42. Д. 4572.

92. РГИА. Ф. 515. Оп. 80. Д. 874, 881; НИАБГ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 121.

степенно сокращаясь (Samojlik, Fedotova, Kuijper, 2016). В 1920–1950-х годах специалисты по лесному хозяйству и лесной экологии провели исследования о влиянии пастбы скота по лесохозяйственным и эколого-биологическим параметрам. Они показали негативную роль перевыпаса и сравнительную безвредность умеренного выпаса, то есть подтвердили предположения лесничих второй половины XIX века⁹³.

Заключение

Несколько столетий выпас скота в лесах был важным ресурсом для крестьянских натуральных хозяйств и одним из самых распространенных видов лесопользования. Для его анализа мы использовали подход *case study*, а в качестве объекта — Беловежскую пущу, что было сделано по ряду причин. В Беловежской пуще конфликты были более острыми, чем в большинстве других лесных массивов Европейской части России, так как домашний скот там считался вредным не только для леса, но и для дичи, бывшей объектом царских охот. Администрация Беловежской пущи использовала контроль над выпасом как инструмент давления на крестьян в борьбе с браконьерством и для выселения крестьян из Пущи. Это определило большое количество документов, отложившихся в архивных фондах. Кроме того, история этого леса сама по себе сравнительно хорошо описана, что дает возможность анализировать наш сюжет под разными углами зрения.

Изученный нами материал раскрывает мотивацию в борьбе за контроль над лесными ресурсами между крестьянами и экспертами «рационального» лесного хозяйства. Конфликты крестьян и администрации из-за лесных пастбищ, как критически важного для крестьян ресурса, являются хорошим примером того, что Джеймс Скотт назвал применением «оружия слабых». На всем протяжении долгого XIX века крестьяне использовали все доступные им пути сопротивления: ходатайства во властные структуры всех уровней, включая прошения на высочайшее имя, прямой и скрытый саботаж распоряжений администрации, взятки лесничим и лесной страже. Эти конфликты, тянувшиеся десятилетиями, показывают, что крестьянские общины лишь частично подчинялись правилам, вводимым государственной администрацией. Последняя же, со своей стороны, пыталась изменить принципы лесопользования, сделав их более выгодными для казны, формализованными и рациональными с точки зрения экспертов того времени. Беловежская администрация, особенно в удельный период, тратила существенные ресурсы на контроль за лесопользованиями, в том числе — за выпасом, но добилась очень скромных результатов

93. Библиографию таких исследований по Беловежской пуще см.: Samojlik, Fedotova, Kuijper, 2016.

как в смысле сокращения численности скота в лесу, так и получения компенсации за пользование ресурсом.

В соответствии с изменением принципов управления лесным хозяйством в Пуще мы выделили в долгом XIX веке четыре периода. Самые важные изменения происходили во второй половине XIX — начале XX века и были связаны с более жестким контролем лесной администрации над традиционными лесопользованиями крестьян, особенно в последний, удельный период. Периоды отличаются строгостью контроля со стороны лесной администрации, интенсивностью конфликтов и количеством скота в лесу, так как постепенно происходил рост населения в окрестностях Пущи.

Если рассматривать реакцию администрации на крестьянские ходатайства, то и на среднем (губернском), и на высшем (министерском) уровне мы увидим значительную терпимость к практике пастьбы скота в лесу. Эта терпимость связана как с нехваткой пастбищных и кормовых площадей у крестьян, так и с общими патерналистскими настроениями имперского правительства. Вышшая администрация пыталась не столько повысить доход от лесов за счет пастьбы, сколько «приучить» крестьян к мысли о том, что лес является не общественной собственностью, а частной, государственной или удельной.

В заключение хочется подчеркнуть, что наше исследование было построено почти исключительно на документах правительственных ведомств. Работа с фондами региональных архивов должна дать больше материала. Просмотр двух описей фонда Гродненского губернского по крестьянским делам присутствия за 1870–1880-е годы (НИАБГ. Ф. 10. Оп. 1, 2) позволил выявить несколько десятков дел о конфликтах из-за пастьбы скота в казенных и частных лесах. Дела по этой теме имеются в фондах Гродненского управления земледелия и государственных имуществ (Ф. 31), Канцелярии гродненского губернатора (Ф. 1), Гродненского губернского присутствия (Ф. 18), Управления Беловежской пущи (Ф. 108) и некоторых других, что открывает перспективы дальнейших исследований.

Библиография

- Аноним (1849). Сведения о состоянии казенных и частных лесов Гродненской губернии // Лесной журнал. С. 277–279; 285–287; 289–292; 298–301.
- Анфимов А. М. (1980). Крестьянское хозяйство Европейской России, 1881–1904. М.: Наука.
- Арнольд Ф. К. (1883). К истории русского государственного лесного управления // Лесной журнал. Вып. 9. С. 457–468.
- Бобровский П. О. (1863). Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния. СПб.: Тип. Деп-та Генштаба.
- Бульмеринг М. (1848). Указания для определения ценности лесов Европейской России по действительной их ценности // Лесной журнал. Вып. 16. С. 121–127; Вып. 17. С. 129–135; Вып. 18. С. 138–143; Вып. 19. С. 144–150; Вып. 20. С. 153–158; Вып. 21. С. 161–166; Вып. 22. С. 169–175; Вып. 23. С. 177–182; Вып. 24. С. 185–191.

А. А. Федотова
«За убитую в Беловежской пуще зубрицу запрещена пастьба скота»: выпас скота в лесу как традиционная форма крестьянского лесопользования в долгом XIX веке

- Вереха П. Н.* (1877). Систематический сборник действующих циркулярных распоряжений, последовавших по Лесному департаменту с 1838 г. по 15 марта 1877 г. СПб.: тип. В. Киршбаума.
- Врублевский К. О.* (1908). Чума диких кабанов // Архив ветеринарных наук. С. 943–959.
- Врублевский К. О.* (1912). Теоретическая дифференцировка некоторых жвачных на древесноядных (*Fruticivora*) и травоядных (*Herbivora*) и практическое ее значение // Архив ветеринарных наук. С. 746–778.
- Генко Н. К.* (1903). Характеристика Беловежской пуши и исторические о ней данные. СПб.: Лесное общество.
- Департамент земледелия. (1914). Обзор мероприятий по культуре кормовых растений, 1908–1913. СПб.: ГУЗиЗ.
- Департамент сельского хозяйства (1856). Собрание содержащихся в Своде законов и Уложений о наказании постановлений об ограждении лесов, полей и др. угодий от неумышленных и злонамеренных повреждений с присовокуплением предписаний Министерства государственных имуществ по сим предметам. СПб.: МГИ.
- Дмитриев М. А.* (1896). Древесное сено и его употребление в корм скоту // Сельское хозяйство и лесоводство. № 11. С. 771–814.
- Дружинин Н. М.* (1978). Русская деревня на переломе 1861–1880 гг. М.: Наука.
- Елина О. Ю.* (2001). Мир, война и «туковый вопрос»: (из истории производства минеральных удобрений в России, 1900–1920-е гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. № 3. С. 3–37.
- Карцов Г.* (1903). Беловежская пуца. Ее исторический очерк, современное охотничье хозяйство и Высочайшие охоты в Пуще. СПб.: А. Ф. Маркс, 1903.
- Классон* (1844). В каких случаях и в какой степени пастьба скота и сенокосение могут быть допускаемы в лесах без вреда для оных // Лесной журнал. Вып. 1. С. 43–75.
- Крассуский С. О.* (1878). Частное лесное хозяйство в Царстве Польском в связи с крестьянскими сервитутами // Сборник вводных докладов по вопросам, предложенным к обсуждению членов IV съезда в г. Варшаве. СПб.: Лесное общество. С. 1–14.
- Лесной департамент (1898). Столетие учреждения Лесного департамента. 1798–1898. СПб.: тип. Римана.
- Лоскутова М. В., Федотова А. А.* (2019). Правительственная политика в отношении бортного пчеловодства в Российской империи XVIII–XIX вв. // Известия Русского географического общества. Т. 151. № 2. С. 78–95.
- Лупанова Е. М.* (2017). История закрепощения природного ресурса. Лесное хозяйство в России 1696–1802 гг. СПб.: Европейский ун-т в СПб.
- Министерство государственных имуществ (1888). Историческое обозрение 50-летней деятельности Министерства государственных имуществ, 1837–1887. Часть 3. Государственные имущества. СПб.: Яблонский и Перрот.
- Ненсберг В.* (1859). Замечание о пастьбе скота в лесах // Газета лесоводства и охоты. Вып. 3. С. 28–30.
- Неупокоев В. И.* (1976). Крестьянский вопрос в Литве во второй трети XIX века. М.: Наука.
- Островский А. В.* (2014). Животноводство Европейской России в конце XIX — начале XX в. СПб.: Полторацк.
- Пачоский И. К.* (1901). Флора Полесья и прилежащих местностей. СПб.: Демаков.
- Перельгин П. А.* (1833). Об охранении леса от вреда, причиняемого домашним скотом // Лесной журнал. Ч. 1. Кн. 2. С. 82–89.
- Политаев В. О.* (1879). Пастьба скота в казенных лесах Виленской губернии // Труды IV Всероссийского съезда лесохозяев в г. Варшаве со 2 по 12 августа 1878 г. СПб.: Девриен. С. 181–185.
- Портен Р. А.* (1903). О лесных и земельных сервитутах в Прибалтийских губерниях // Сборник вводных докладов по вопросам, предложенным к обсуждению на X Всероссийском лесохозяйственном съезде в г. Риге с 6 по 15 авг. 1903 г. СПб.: Лесное об-во. С. 27–38.

- Семашко З. И. (1899). Пастбищный сервитут в Западных губерниях. СПб.: Общественная польза.
- Семенов В. С. (1836). О повреждении лесов домашним скотом // Лесной журнал. Ч. 4. Кн. 12. С. 301–307.
- Фальковський П. К. (1928). Вплив випасування худоби на фізичну властивість лісового ґрунту // Труды по лесному опытному делу Украины. Вып. 8. Харьков. С. 155–180.
- Фальковський П. К. (1929). Досліджування впливу випасання худоби в дібровах Тростянецького лісництва на ріст і продукційність лісу (Попереднє повідомлення) // Труды по лесному опытному делу Украины. Вып. 12. Харьков. С. 3–78.
- Фукс В. Я., Зичи М. А. (1862). Охота в Беловежской пушче. СПб.: МГИ.
- Ширяев А. В. (1903). Лесной пастбищный сервитут в Северо-Западных губерниях // Сборник вводных докладов, по вопросам, предложенным к обсуждению на X Всероссийском лесохозяйственном съезде в г. Риге с 6 по 15 авг. 1903 г. СПб.: Лесное общество. С. 39–42.
- Эккерт Н. И., Феддерс В. В. (1912). Пастереллез Боллингера у диких и домашних животных в районе Беловежской пушчи // Сборник в память проф. М. И. Садовского и воспоминания о нем. СПб.: Вестник общественной ветеринарии. С. 260–343.
- Crisp O. (1989). Peasant Land Tenure and Civil Rights before 1906 // Crisp O., Edmondson L. (eds.). *Civil Rights in Imperial Russia*. Oxford: Oxford University Press. P. 33–64.
- Delgado J. L. (2017). Construir la tecnología: el caso de la resina de pino en Francia (siglos XVI-II y XIX) // Lluïl, Revista de la Sociedad Española de Historia de las Ciencias y de las Técnicas. Vol. 40. № 84. P. 53–81.
- Ericsson S., Östlund L., Axelesson A.-L. (2000). A Forest of Grazing and Logging: Deforestation and Reforestation History of a Boreal Landscape in Central Sweden // *New Forests*. Vol. 19. P. 227–240.
- Gerring J. (2006). *Case Study Research: Principles and Practices*. New York: Cambridge University Press.
- Hözl R. (2010). Forests in Conflict: Rural Populations and the Advent of Modern Forestry in Pre-Industrial Germany, 1760–1860 // *Common Ground, Converging Gazes: Integrating the Social and Environmental in History*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing. P. 198–223.
- Latalowa M., Zimny M., Pedziszewska A., Kupryjanowicz M. (2016). Postglacialna historia Puszczy Białowieskiej — rośliność, klimat i działalność człowieka // *Parki Narodowe i Rezerваты Przyrody*. Vol. 35. № 1. P. 3–49.
- Lotz C. (2015). Expanding the Space for Future Resource Management: Explorations of the timber frontier in Northern Europe and the rescaling of sustainability during the 19th Century // *Environment and History*. Vol. 21. № 2. P. 257–279.
- Markevich A., Zhuravskaya E. (2018). The Economic Effects of the Abolition of Serfdom: Evidence from the Russian Empire // *American Economic Review*. Vol. 108. No. 4–5. P. 1074–1117.
- Matteson K. (2015). *Forests in Revolutionary France: Conservation, Community, and Conflict, 1669–1848*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Matz B. (2015). Nutrition Science and the Practice of Animal Feeding in Germany, 1850–1880 // Kingsland Sh., Phillips D. (eds.). *New Perspectives on the History of Life Sciences and Agriculture*. New York: Springer. P. 163–181.
- Moon D. (1999). *The Russian Peasantry 1600–1930: The World the Peasants Made*. London: Routledge.
- Moon D. (2001). The Inventory Reform and Peasant Unrest in Right-Bank Ukraine in 1847–48 // *Slavonic and East European Review*. Vol. 79. № 4. P. 653–697.
- Moon D. (2014). *The Plough That Broke the Steppes: Agriculture and Environment on Russia's Grasslands, 1700–1914*. Oxford: Oxford University Press.
- Öllerer K., Varga A., Kirby K., Demeter L., Biró M., Bölöni J., Molnár Z. (2019). 'Beyond the obvious impact of domestic livestock grazing on temperate forest vegetation — A global review' // *Biological Conservation*. Vol. 237. Pp. 209–219.

А. А. Федотова
«За убитую в Беловежской пушче зубрицу запрещена пастьба скота»: выпас скота в лесу как традиционная форма крестьянского лесопользования в долгом XIX веке

- Paczoski J. (1930). Lasy Białowieży. Poznań: Państwowa Rada Ochrony Przyrody.
- Pourcher Y. (1984). La forêt : espace global et espace conflictuel. La Lozère au XVIIIe et XIXe siècle // Actes du congrès de la Fédération historique du Languedoc méditerranéen et du Roussillon. Montpellier: Fédération historique du Languedoc méditerranéen et du Roussillon. P. 95–107.
- Pravilova E. (2014). A Public Empire: Property and the Quest for the Common Good in Imperial Russia. Princeton; Oxford: Princeton University Press.
- Rotherham I. D. (ed.) (2013). Trees, Forested Landscapes and Grazing Animals: A European Perspective on Woodlands and Grazed Treescapescapes. London, New York: Routledge.
- Ruano A. Á. (2013). Guided Pollards and the Basque Woodland during the Early Modern Age // Rotherham, I. D. (ed.). Cultural Severance and the Environment. The Ending of Traditional and Customary Practice on Commons and Landscapes Managed in Common. Dordrecht: Springer. P. 147–160.
- Samojlik T. (2005). Drzewo wielce użyteczne — historia lipy drobnolistnej (*Tilia cordata*) w Puszczy Białowieskiej // Rocznik Dendrologiczny. Vol. 53. S. 55–64.
- Samojlik T., Fedotova A., Daszkiewicz P., Rotherham I. (2020). Białowieża Forest in the Nineteenth Century: Nature and Culture. Cham, Springer.
- Samojlik T., Fedotova A., Kuijper D. (2016). Transition from Traditional to Modern Forest Management Shaped the Spatial Extent of Cattle Pasturing in Białowieża Primeval Forest in the Nineteenth and Twentieth Centuries // *Ambio*. Vol. 45. No 8. P. 904–918
- Samojlik T., Fedotova A., Niechoda T., Rotherham I. (2019). Culturally-modified trees or wasted timber: Different approaches to marked trees in Poland's Białowieża Forest // *PLoS ONE*. Vol. 14. No. 1. E0211025.
- Samojlik T., Kuijper D. (2013). Grazed Wood Pasture versus Browsed High Forests: Impact of Ungulates on Forest Landscapes from the Perspective of the Białowieża Primeval Forest // *Trees, Forested Landscapes and Grazing Animals*. London, New York: Routledge. P. 139–158.
- Samojlik T., Rotherham I., Jędrzejewska B. (2013). Quantifying Historic Human Impacts on Forest Environments: A Case Study in Białowieża Forest, Poland // *Environment and History*. Vol. 18. № 3. P. 576–602.
- Scott J. C. (1985). Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance (New Haven: Yale University Press.
- Stockland P.-E. (2018). Statecraft and Insect Oeconomies in the Global French Enlightenment (1670–1815). PhD Thesis. Columbia University.
- Velychenko S. (2004). The Size of the Imperial Russian Bureaucracy and Army in Comparative Perspective // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Neue Folge. Bd. 49. H. 3. P. 346–362.
- Vivier N. (2002). The Management and Use of the Commons in France in the 18th and 19th Centuries // *The Management of Common Land in North West Europe, c. 1500–1850*. Turnhout: Brepols Publishers. P. 143–171.

“Cattle grazing is prohibited after the bison was killed in Białowieża Forest”: Woodland grazing as a traditional form of the peasant forest management in the long 19th century

Anastasia A. Fedotova, PhD (Biology), Senior Researcher, Saint Petersburg Branch, S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences; Universitetskaya Nab., 5/2, Saint Petersburg, 199034, Russia. E-mail: f.anastasia.spb@gmail.com

Abstract. The article considers one of the key resources for peasants in Eastern Europe — wood pastures. Based on the new archival materials, the author shows that peasant communities, in the spirit of James Scott, consistently sabotaged the state efforts to ban woodland grazing. During the long 19th century, the state was strengthen-

ing control over many aspects of the rural economic life, which gradually made peasant conflicts with the state forest administration more acute. The author applies the case-study approach to the relationships of peasants and local and metropolitan administration in Białowieża Forest. Its unique feature is a long history of the effective protection measures which facilitated finding sources on the topic. The research revealed the struggle for the control over forest resources between peasants and officials as experts in the 'rational' forestry. In the long 19th century, peasants used all available means of resistance: petitions to the authorities of all levels, sabotage of administrative orders, bribes to forestry personnel, and direct violations of orders. The decades of conflicts prove that peasant communities only partially followed the rules introduced by the state administration which tried to change the principles of forestry management to make forests more profitable and 'rational'. The administration spent significant resources to control wood grazing but achieved very modest results in terms of both reducing the number of livestock in forests and collecting compensation for the damage from ungulates. In the second half of the 19th — early 20th century, there were the most important changes associated with the more consistent and strict control over traditional forest resources, especially in 1889–1915. The administration's reactions to the peasant petitions were sympathetic and positive at the provincial and ministerial levels, which can be explained by the shortage of pasture and fodder and the general paternalistic sentiments of the government. The administration tried not so much to increase income from wood grazing as to 'accustom' peasants to the idea that forests were rather private or state than public property.

Keywords: natural resources, Białowieża Forest, long 19th century, wood pastures, peasants, Russian Empire

А. А. Федотова
«За убитую в Беловежской пушче зубрицу запрещена пастьба скота»: выпас скота в лесу как традиционная форма крестьянского лесопользования в долгом XIX веке

References

- Anfimov A. M. (1980) *Krestijanskoe khozjajstvo Evropejskoj Rossii, 1881–1904* [Peasant Economy in European Russia, 1881–1904], Moscow: Nauka.
- Anonymous (1849) Svedeniya o sostojanii kazennyh i chastnyh lesov Grodnenskoj gubernii [Data on the state and private forests in the Grodno Province]. *Lesnoj zhurnal*, no 35, pp. 277–279; no 36, pp. 285–287; no 37, pp. 289–292; no 38, pp. 298–301.
- Arnold F. (1883) K istorii russkogo gosudarstvennogo lesnogo upravlenija [On the history of the Russian state forest management]. *Lesnoj zhurnal*, no 9, pp. 457–468.
- Bobrovsky P. (1863) *Materialy dlja geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami generalnogo shtaba. Grodnenskaya Guberniya* [Materials for Geography and Statistics of Russia Collected by Officers of the General Staff. Grodno Province], Saint Petersburg: Department of the General Staff.
- Bulmering M. (1848) Ukazaniya dlja opredelenija tsennosti lesov Evropejskoj Rossii po dejstvitelnoj ih tsennosti [Instructions for assessing the value of forests in European Russia according to their actual value]. *Lesnoj zhurnal*, no 16, pp. 121–127; no 17, pp. 129–135; no 18, pp. 138–143; no 19, pp. 144–150; no 20, pp. 153–158; no 21, pp. 161–166; no 22, pp. 169–175; no 23, pp. 177–182; no 24, pp. 185–191.
- Crisp O. (1989) Peasant land tenure and civil rights before 1906. *Civil Rights in Imperial Russia*. O. Crisp, L. Edmondson (Eds.), Oxford: Oxford University Press, pp. 33–64.
- Delgado J. L. (2017) Construir la tecnología: el caso de la resina de pino en Francia (siglos XVIII y XIX). *Llull, Revista de la Sociedad Española de Historia de las Ciencias y de las Técnicas*, vol. 40, no 84, pp. 53–81.
- Departament selskogo hozjajstva [Department of Agriculture] (1856) *Sobranie soderzhashchihsjja v Svode zakonov i v Ulozhenii o nakazanii postanovlenij ob ogradzhenii lesov, polej i drugih ugodij ot neumyslennyh i zlonamerennyh povrezhdenij* [Collection of Decisions from the Code of Laws and Regulations on Punishment for Protecting

- Forests, Fields and Other Lands from Unintentional and Malicious Damage], Saint Petersburg: Ministry of Public Domains.
- Departament zemledelia [Department of Farming] (1914) *Obzor meroprijatij po kulture kormovykh rastenij, 1908–1913* [Overview of Measures for Fodder Plants, 1908–1913], Saint Petersburg: GUZiZ.
- Dmitriev M. (1896) Drevsnoe seno i ego upotreblenie v korm skotu [Wood hay and its use for livestock feeding]. *Selskoe khozjajstvo i lesovodstvo*, no 11, pp. 771–814.
- Druzhinin N. M. (1978) *Russkaja derevnja na perelome 1861–1880 gg.* [Russian Village at the Turning Point 1861–1880], Moscow: Nauka.
- Ekkert N., Fedders V. (1912) Pasterelloz Bollingera u dikih i domashnih zhivotnyh v rajone Belovezhskoj pushchi [Bollinger pasteurellosis in wild and domestic animals of Białowieża Forest]. *Sbornik v pamjat M. I. Sadovskogo i vospominanija o nem*, Saint Petersburg: Vestnik obshhestvennoj veterinarii, pp. 260–343.
- Elina O. (2001) Mir, vojna i ‘tukovy vopros’ (iz istorii proizvodstva mineralnyh udobrenij v Rossii, 1900–1920-e gg.) [Peace, war and the ‘fertilizer question’ (from the history of the production of mineral fertilizers in Russia, 1900–1920s)]. *Voprosy istorii estestvoznaniija i tekhniki*, no 3, pp. 3–37.
- Ericsson S., Östlund L., Axelesson A.-L. (2000) A forest of grazing and logging: Deforestation and reforestation history of a boreal landscape in Central Sweden. *New Forests*, vol. 19, pp. 227–240.
- Falkovsky P. (1928) Issledovanija vlijanija pastby na fizicheskie svojstva dubravnoj pochvy v Trostjanetskom opytnom lesnichestve [Study of the impact of livestock grazing on the physical features of the oak forest soil in the Trostyanets experimental forestry]. *Trudy po lesnomu opytному delu Ukrainy*, vol. 8, pp. 178–180.
- Falkovsky P. (1929) Issledovanie vlijanija pastby skota v dubravah Trostjanetskogo lesnichestva na rost i proizvoditelnost lesa [Study of the impact of livestock grazing in the oak forests of the Trostyanets forestry on the forest growth and productivity]. *Trudy po lesnomu opytному delu Ukrainy*, vol. 12, pp. 62–71.
- Fuchs V., Zichy M. (1862) *Okhota v Belovezhskoi Pushche* [Hunting in Białowieża Forest], Saint Petersburg: Ministry of Public Domains.
- Genko N. (1903) *Kharakteristika Belovezhskoi Pushchi i istoricheskie o nei dannye* [Features of Białowieża Forest and Historical Data on It], Saint Petersburg: Forestry Society.
- Gerring J. (2006) *Case Study Research: Principles and Practices*, New York: Cambridge University Press.
- Hölzl R. (2010) Forests in conflict: Rural populations and the advent of modern forestry in pre-industrial Germany, 1760–1860. *Common Ground, Converging Gazes: Integrating the Social and Environmental in History*, Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, pp. 198–223.
- Kartsov G. (1903) *Belovezhskaya Pushcha. Ee istorichesky ocherk, sovremennoe okhotnichie khozaistvo i Vysochaishie okhoty v Puchche* [Białowieża Forest. Its History, Today’s Hunting Industry, and the Highest Hunts], Saint Petersburg: A. F. Marx.
- Klasson (1844) V kakih sluchajah i v kakoj stepeni pastba skota i senokoshenie mogut byt dopuskaemy v lesah bez vreda dlja onyh [In what cases and to what extent grazing and haymaking can be allowed in forests without damaging them]. *Lesnoj zhurnal*, no 1, pp. 43–75.
- Krassusky S. (1878) Chastnoe lesnoe khozjajstvo v Tsarstve Polskom v svjazj s krestjanskimi servitutami [Private forestry in the Kingdom of Poland in relation to peasant servitudes]. *Sbornik vodnyh dokladov po voprosam, predlozhennym k obsuzhdeniju chlenov IV s’ezda lesokhosyaev v g. Warshawe*, Saint Petersburg: Forestry Society, pp. 1–14.
- Latalowa M., Zimny M., Pedziszewska A., Kupryjanowicz M. (2016) Postglacialna historia Puszczy Białowieckiej — roslinnosc, klimat i dzialalnosc czlowieka. *Parki Narodowe i Rezerваты Przyrody*, vol. 35, no 1, pp. 3–49.
- Lesnoj Departament [Forestry Department] (1898) *Stoletie uchrezhdenija Lesnogo departamenta. 1798–1898* [Centenary of the Forest Department], Saint Petersburg: Yu. Riman.

- Loskutova M., Fedotova A. (2019) Pravitelstvennaja politika v otnoshenii bortnogo pchelovodstva v Rossijskoj imperii XVIII–XIX vv. [State policy on the forest beekeeping in the Russian Empire in the 18th–19th centuries]. *Proceedings of the Russian Geographical Society*, vol. 151, no 2, pp. 78–95.
- Lotz C. (2015) Expanding the space for future resource management: Explorations of the timber frontier in Northern Europe and the rescaling of sustainability during the 19th century. *Environment and History*, vol. 21, no 2, pp. 257–279.
- Lupanova E. (2017) *Istorija zakreposhchenija prirodnogo resursa. Lesnoe hozjajstvo v Rossii 1696–1802 gg.* [History of the Natural Resources Enslavement. Forestry in Russia 1696–1802], Saint Petersburg: European University.
- Markevich A., Zhuravskaya E. (2018) The economic effects of the abolition of serfdom: Evidence from the Russian Empire. *American Economic Review*, vol. 108, no 4–5, pp. 1074–1117.
- Matteson K. (2015) *Forests in Revolutionary France: Conservation, Community, and Conflict, 1669–1848*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Matz B. (2015) Nutrition science and the practice of animal feeding in Germany, 1850–1880. Sh. Kingsland, D. Phillips (Eds.). *New Perspectives on the History of Life Sciences and Agriculture*, New York: Springer, pp. 163–181.
- Ministerstvo gosudarstvennyh imushchestv [Ministry of Public Domains] (1888). *Istoricheskoe obozrenie 50-letnej dejatelnosti Ministerstva gosudarstvennyh imushhestv, 1837–1887. III. Gosudarstvennyye imushhestva*, Saint Petersburg: Yablonsky and Perrot.
- Moon D. (1999) *The Russian Peasantry 1600–1930: The World the Peasants Made*, London: Routledge.
- Moon D. (2001) The inventory reform and peasant unrest in right-bank Ukraine in 1847–48. *Slavonic and East European Review*, vol. 79, no 4, pp. 653–697.
- Moon D. (2014) *The Plough That Broke the Steppes: Agriculture and Environment on Russia's Grasslands, 1700–1914*, Oxford: Oxford University Press.
- Nensberg V. (1859) Zamechanie o pastbe skota v lesah [A note on wood grazing]. *Gazeta lesovodstva i okhoty*, no 3, pp. 28–30.
- Neupokoev V. (1976) *Krestjansky vopros v Litve vo vtoroj treti XIX veka* [Peasant Question in Lithuania in the Second Third of the 19th Century], Moscow: Nauka.
- Öllerer K., Varga A., Kirby K., Demeter L., Biró M., Bölöni J., Molnár Z. (2019) Beyond the obvious impact of domestic livestock grazing on temperate forest vegetation — A global review. *Biological Conservation*, vol. 237, pp. 209–219.
- Ostrovsky A. V. (2014) *Zhivotnovodstvo Evropejskoj Rossii v kontse XIX — nachale XX vv.* [Animal Husbandry of European Russia in the Late 19th — Early 20th Century], Saint Petersburg: Poltorak.
- Paczoski J. (1901) *Flora Polessia i prilozhashchih miestnostei* [Flora of Polessia and Adjacent Areas], Saint Petersburg: Demakov.
- Paczoski J. (1930) *Lasy Białowieży*, Poznań: Państwowa Rada Ochrony Przyrody.
- Perelygin P. (1833) Ob okhranении леса от вреда, prichinjaemogo domashnim skotom [On the protection of forests from the cattle damage]. *Lesnoj zhurnal*, no 2, pp. 82–89.
- Politaev V. O. (1879) Pastba skota v kazennyh lesah Vilenskoj gubernii [Grazing in the state forests of the Vilna Province]. *Trudy IV Vserossijskogo S'ezda lesokhozjaev v g. Warszawe so 2 po 12 avgusta 1878 g.*, Saint Petersburg: Devrien, pp. 181–185.
- Porten R. A. (1903) O lesnyh i zemelnyh servitutah v Pribaltijskikh gubernijah [On forest and land servitudes in the Baltic Provinces]. *Sbornik vvodnyh dokladov po voprosam, predlozhenym k obsuzhdeniju na X Vserossijskom lesokhozjajstvennom s'ezde v g. Rige s 6 po 15 avgusta 1903 g.*, Saint Petersburg: Forestry Society, pp. 27–38.
- Pourcher Y. (1984) La forêt: espace global et espace conflictuel. La Lozère au XVIIIe et XIXe siècle. *Actes du congrès de la Fédération historique du Languedoc méditerranéen et du Roussillon*, Montpellier: Fédération historique du Languedoc méditerranéen et du Roussillon, pp. 95–107.

А. А. Федотова
«За убитую в Беловежской пушче зубрицу запрещена пастьба скота»: выпас скота в лесу как традиционная форма крестьянского лесопользования в долгом XIX веке

- Pravilova E. (2014) *A Public Empire: Property and the Quest for the Common Good in Imperial Russia*, Princeton: Oxford: Princeton University Press.
- Rotherham I. D. (Ed.) (2013) *Trees, Forested Landscapes and Grazing Animals: A European Perspective on Woodlands and Grazed Treescaping*, London–New York: Routledge.
- Ruano A. Á. (2013) Guided pollards and the Basque woodland during the early modern age. I. D. Rotherham (Ed.). *Cultural Severance and the Environment. The Ending of Traditional and Customary Practice on Commons and Landscapes Managed in Common*, Dordrecht: Springer, pp. 147–160.
- Samojlik T. (2005) Drzewo wielce użyteczne — historia lipy drobnolistnej (*Tilia cordata*) w Puszczy Białowiejskiej. *Rocznik Dendrologiczny*, vol. 53, pp. 55–64.
- Samojlik T., Fedotova A., Daszkiewicz P., Rotherham I. (2020) *Białowieża Forest in the Nineteenth Century: Nature and Culture*, Cham: Springer.
- Samojlik T., Fedotova A., Kuijper D. (2016) Transition from traditional to modern forest management shaped the spatial extent of cattle pasturing in Białowieża Primeval Forest in the nineteenth and twentieth centuries. *Ambio*, vol. 45, no 8, pp. 904–918.
- Samojlik T., Fedotova A., Niechoda T., Rotherham I. (2019) Culturally-modified trees or wasted timber: Different approaches to marked trees in Poland's Białowieża Forest. *PLoS ONE*, vol. 14, no 1.
- Samojlik T., Kuijper D. (2013) Grazed wood pasture versus browsed high forests: Impact of ungulates on forest landscapes from the perspective of the Białowieża Primeval Forest. *Trees, Forested Landscapes and Grazing Animals*, London–New York: Routledge, pp. 139–158.
- Samojlik T., Rotherham I., Jędrzejewska B. (2013) Quantifying historic human impacts on forest environments: A case study in Białowieża Forest, Poland. *Environment and History*, vol. 18, no 3, pp. 576–602.
- Scott J. C. (1985) *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*, New Haven: Yale University Press.
- Semashko Z. (1899) *Pastbishchny servitut v Zapadnykh gubernijakh* [Pasture Servitude in the Western Provinces], Saint Petersburg: Obshchestvennaja polza.
- Semenov V. (1836) O povrezhdenii lesov domashnim skotom [On the damage to forests by livestock]. *Lesnoj zhurnal*, no 12, pp. 301–307.
- Shirjaev A. (1903) Lesnoj pastbishchny servitut v Severo-Zapadnykh gubernijakh [Forest pasture servitude in the North-Western provinces]. *Sbornik vvodnykh dokladov po voprosam, predlozhenym k obsuzhdeniju na X Vserossijskom lesokhozjajstvennom s'ezde v g. Rige s 6 po 15 avgusta 1903 g.*, Saint Petersburg: Forestry Society, pp. 39–42.
- Stockland P.-E. (2018) *Statecraft and Insect Oeconomies in the Global French Enlightenment (1670–1815)*, New York: Columbia University.
- Velychenko S. (2001) The size of the Imperial Russian bureaucracy and army in comparative perspective. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, Bd. 49, H. 3, pp. 346–362.
- Verekha P. (1877) *Sistematičeskij sbornik dejstvujushchih tsirkuljarnykh rasporyzhenij, posledovavshih po Lesnomu departamentu s 1838 g. po 15 marta 1877 g.* [A Systematic Collection of Current Circular Orders for the Forest Department From 1838 to March 15, 1877], Saint Petersburg: Kirshbaum.
- Vivier N. (2002) The management and use of the commons in France in the 18th and 19th centuries. *The Management of Common Land in North West Europe, 1500–1850*, Turnhout: Brepols Publishers, pp. 143–171.
- Wróblewski K. (1908) Chuma dikih kabanov [Plague of wild boars]. *Arkhiv veterinarnykh nauk*, vol. 8, pp. 746–778.
- Wróblewski K. (1912) Teoreticheskaia differentsirovka nekotorykh zhvachnykh na drevesnogradnykh (Fruticivora) i travojadnykh (Herbivora) i praktičeskoe ee značenie [Theoretical differentiation of some ruminants into carnivores (Fruticivora) and herbivores (Herbivora), and its practical significance]. *Arkhiv veterinarnykh nauk*, vol. 8, pp. 746–778.

Для покупателя.

Билетъ на побочное пользование въ удѣльныхъ дѣсахъ *42 руб 30*

Выданъ Управляющимъ *5 Ковалевъ* *20* дня

имѣніемъ Бѣловѣжскаго Удѣльнаго *Ву 1911*

№ *1800* *д. пр. ул. Бабкина* года.

Владимиръ Николаевичъ

Родъ побочнаго пользованія, основанія и условия сдачи.

Общая сумма условленной платы *30*

Р. К.

Имя *5* *Одноклассникъ*

Дача *Бѣловѣжскій уѣздъ Б. ул. Бабкина* *добавилъ строенія*

Обгъздъ № *II* *на основаніи предписанія Чирав.*

Обходъ № *I* *Бѣловѣжскій уѣздъ*

Кварталы №№ *583* *пр. по ул. Бабкина*

Сданное въ побочное пользование пространство *20 дес* *кв. саж.* *сученикъ*

твидланъ

къ побочнаго пользования съ *20 руб 30*

по *1800* *1911*

счетъ условленной платы поступило въ кассу *5 20*

Бокванскій имѣнія *20 руб 30* 1911 г.

пр. *30* всего *30 руб 30*

отсрочено платежемъ по *189* г.

руб — коп.

Управляющій имѣніемъ *Увз*

А. А. Федотова
«За убитую в Бѣловѣжской пуше зубрицу запрещена пастьба скота»: выпас скота в лесу как традиционная форма крестьянского лесопользования в долгом XIX веке

Рис. 1. Билет на право пастьбы, 1911 год (РГИА. Ф. 515. Оп. 80. Д. 1058. Л. 180б).

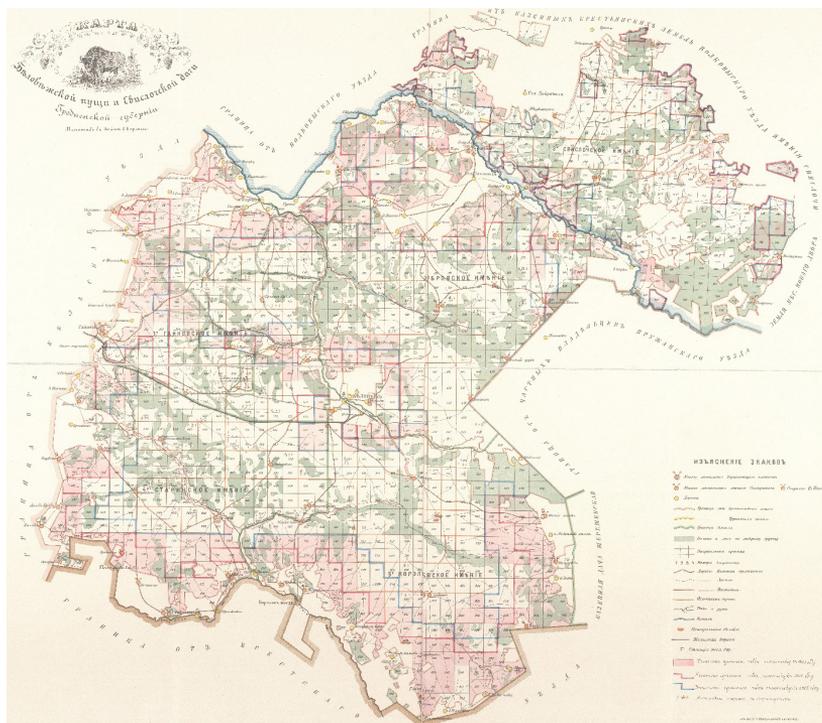

Рис 2. Карта Беловежской пущи с показанием пастбищных площадей в 1897, 1904, 1905 годах. (РГИА. Ф. 515. Оп. 42. Д. 4572. Л. 28).

Цветная версия доступна на сайте журнала: 1897 год — розовая заливка, 1904 год — розовая граница, 1905 год — голубая граница.